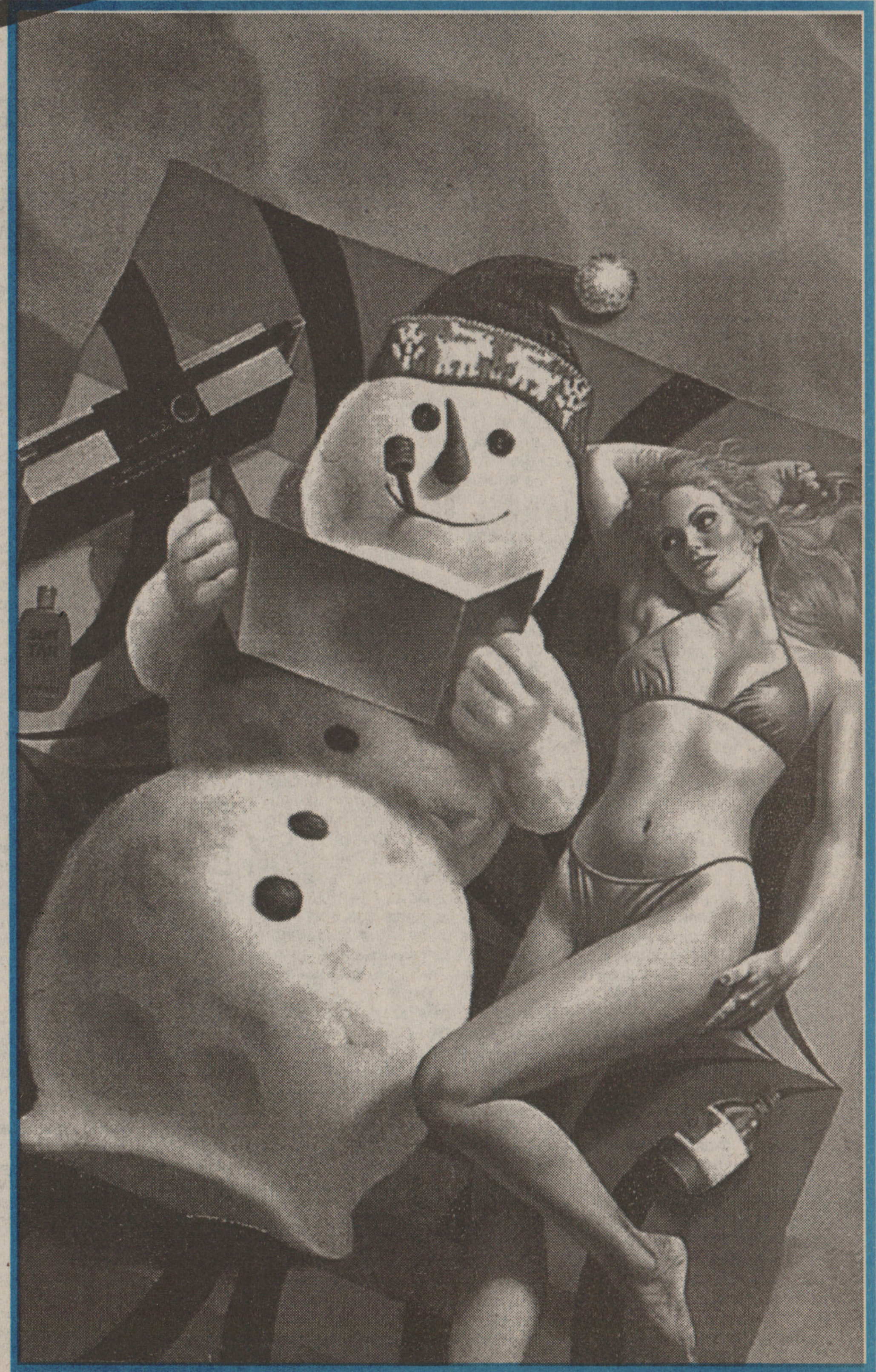
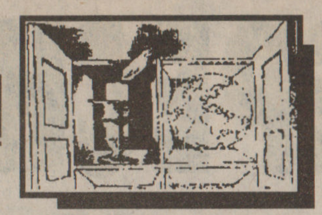
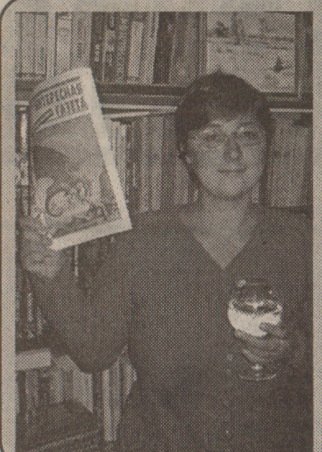
Z
№ 1(124)
2004 год
ИНТЕРЕСНАЯ ГАЗЕТА
ВЫПУСК ПЯТНАДЦАТЫЙ
ЦЕНА СВОБОДНАЯ

ПРОСТО ФАНТАСТИКА

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Дорогие читатели!

Приближается Новый год, и в "Просто фантастике" тоже происходят изменения. Закончен конкурс "Пишем вместе" и объявлен его победитель (см.стр.15). Начинается новый конкурс — о его условиях также читайте на стр.15. Мы представляем вам первых членов фэн-клуба нашей газеты и по-прежнему ждем от вас предложений по улучшению блока"Z".

Но главное остается прежним — наша общая любовь к фантастике! Пускай и в следующем году она делает нашу жизнь более наполненной и интересной!

Всего вам наилучшего!

Редактор "Просто фантастики"
Ольга ОПАНАСЕНКО

Возьмемся за руки, друзья!

В праздничном выпуске нашей газеты мы пригласили читателей вступать в фэн-клуб "Просто фантастики". И сегодня с удовольствием представляем его первых членов.

Виталий Федорович Слюсарь, 32 года — победитель прошлого конкурса"Фэн-кроссворд". Фантастику читает и любит с детства, точнее — со второго класса, когда одноклассница Лена дала прочесть книгу Кира Булычева "Девочка с Земли". Любимые направления — "твердая" НФ, социальная фантастика, киберпанк, "космологический эпос", отчасти — "космическая опера" и хоррор. "Любимых писателей, пишет — Виталий, — мог бы перечислять долго и охотно, однако, чтобы не растекаться мыслию по файлу и наметить границы своих предпочтений, назову лишь некоторые, наиболее значительные имена. Среди зарубежных авторов это С. Лем, Ф. К. Дик, Р. Желязны, У. Гибсон, Д. Симмонс, В. Виндж... и многие-многие другие. Среди "наших" —братья Стругацкие, И. А. Ефремов, Кир Булычев, А. Громов, М. и С. Дяченко, Г. Л. Олди, С. Лукьяненко... и опять-таки многие другие!" Свой вопрос, если бы представилась такая возможность, задал бы Александру Громову.

От редакции. Постараемся эту возможность предоставить. Кроме того, приглашаем читателей познакомиться с творчеством Виталия — рассказом "Океан", опубликованном в этом номере.

Шелепова Ирина, почти 31 год. Фантастику читает лет с двенадцати, больше всего любит научную фантастику. Любимые писатели — Станислав Лем и Иван Ефремов. "Боюсь, что я не оригинальна, но что поделать? — пишет Ирина. — Что же теперь, если их нельзя не любить? Я люблю их со школы, и это самая большая любовь моей жизни".

Дуденко Олег Тихонович, 38 лет. Фантастику начал читать примерно в десятилетнем возрасте — "Легенды и мифы Древней Греции", "Незнайка на Луне" Н.Некрасова, позднее — книги А.Беляева, Стругацких и многих других. Романы, которые не просто понравились, а "выбили из колеи", — "Мизери" Стивена Кинга, "Мастер и Маргарита" Михаила Булгакова и "Град обреченный" братьев Стругацких. Поклонник качественного хоррора: "Как ее (*подобную литературу.* — **Ред.**) назвать? Не знаю. Можно мистикой. Можно фантастикой ужасов — но только не ужасной фантастикой".

Дьяченко Нина Олеговна, 24 года. Активный участник конкурса "Пишем вместе". Пишет рассказы в разных жанрах, но особенно любит фэнтези.

Маслов Дмитрий Михайлович, 56 лет. Фантастику читает с пионерских времен, когда в журналах печатали "Сокровища Громовой Луны" Э.Гамильтона и "Туманность Андромеды" Ефремова, — 45 лет! О любимых жанрах говорит так: "С удовольствием любуюсь волшебными замками, феями, рыцарями и необычными созданиями страны Фэнтези. Вместе с тем получаю наслаждение от яркой игры ума создателей НФ. Но все же предпочтение отдаю иронично-юмористической фантастике в стиле Шекли, Тенна, Лема и Даймона Найта". А последние произведения Сергея Лукьяненко его просто потрясли.

Левицкий Павел, 16 лет. Фантастику читает с 11 лет, отдавая предпочтение фантастике приключенческой.

Кстати, если вы хотите через нашу газету найти единомышленников и друзей по переписке, можете сообщить об этом в анкете — и мы напечатаем ваш адрес в "Просто фантастике".

Улетели шпионы в голубом вертолете

Израильская компания, разрабатывающая наисовременнейший беспилотный вертолет, столкнулась с непредвиденными обстоятельствами. Уникальный опытный образец был украден. Робот-вертолет весом 14 килограммов и длиной 1,5 метра увели прямо с фабрики фирмы "Steadicopter". Модель, способная совершать независимые полеты без удаленного контроля, только что удачно прошла все финальные тестовые полеты.

Вор не взял ни деньги, ни программное обеспечение, поэтому основная версия следствия — промышленный шпионаж. Президент фирмы видит в похищении исключительно происки конкурентов.

Киберперчатка для спасателя

Компания "Network Anatomy", выпускающая компьютеры для полевого применения, представила новый предмет цифровой амуниции. Перчатка "CommanderGauntlet" предоставляет владельцу голосовую связь, передачу данных и прочие средства, необходимые для организации работы в экстренной ситуации.

В "CommanderGauntlet" встроены также монитор, связанный с компьютером в рюкзаке "Commander Pack", средства аудиовидеозаписи, система питания и фонарик. Перчатка водонепроницаема и надевается на левую кисть любого размера (кроме, разумеется, детской руки). Владелец может использовать перчатку для сотовой, спутниковой и аналоговой радиосвязи.

"CommanderGauntlet" является, прежде всего, аксессуаром для компьютера типа "Tablet PC", находящегося в рюкзаке "Commander Pack". С ее помощью можно даже работать с электронной почтой, не раскрывая рюкзака. Связь последнего с перчаткой осуществляется без использования проводов, могущих стать помехой в неблагоприятных условиях. Питание компьютера осуществляется от различных источников питания, включая солнечные батареи.

Вес "Commander Pack" не превышает пяти килограммов, в комплект входят набор для выживания, емкость для воды и аптечка. С рюкзаком поставляется также защитная каска, на которой укреплены микрофон, видеокамера и фонарик.

20
GUINNESS WORLD RECORDS
03

РЕКОРДЫ "КНИГИ РЕКОРДОВ"

"Книга рекордов Гиннесса" сама установила рекорд — ее тираж достиг 100 миллионов экземпляров. Издатели планируют широко отметить свое достижение. В Нью-Йорке несколько сотен детей надуют самое большое в истории человечества количество воздушных шаров.

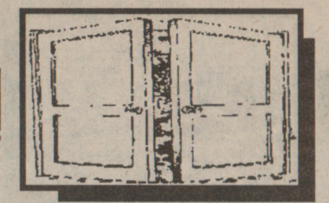
Книга, вдохновившая целое поколение на самые безумные рекорды, впервые появилась в 1955 году и с тех пор была переведена почти на 40 языков. По объему тиража она может соперничать лишь с Библией, Кораном и цитатником Мао Дзэдуна.

Догнали и перегнали!

Впервые Гарри Поттер "заговорил" по-украински несколько позже, чем по-русски. Но те — ленивые, нерешительные, предусмотрительные или патриотичные — читатели, которые отложили свое знакомство с заморским маленьким волшебником на пару месяцев, не пожалели — по многочисленным отзывам, украинский перевод был гораздо более качественным, чем русский. Вторая, третья и четвертая книги о приключениях Гарри и его друзей в российском издательстве "Росмэн" и украинском "А-ба-ба-га-ла-ма-га" выходили практически одновременно.

И вот — свершилось! Российские читатели все еще предвкушают знакомство с книгой "Гарри Поттер и Орден Феникса", а украинские уже могут прочитать ее в переводе Виктора Морозова!

Наступившее будущее

БУДУЩЕЕ ОТ КЛИФФОРДА САЙМАКА

Уже в конце XX века земные города стали анахронизмом. Продукты питания выращиваются на искусственной среде, гидропоника обеспечивает всех пропитанием, фермеры разоряются — и земля поэтому становится очень дешевой: "большой загородный участок стоит меньше, чем клочок земли в городе 40 лет назад". Самолеты перешли на атомную энергию, семейные вертолеты позволяют каждый день с легкостью добираться до работы из собственных "поместий". Лишь старики не желают расставаться с привычными городскими жилищами. А когда муниципалитет делает попытку выселить их или снести более не приносящие прибыли кварталы, находят неожиданное решение: с помощью молодого богача выкупают городскую землю и устраивают на месте города музей.

До первого полета на Марс остаются считанные годы... Во всяком случае, так говорится в романе "Город".

Впрочем, в

БУДУЩЕМ ОТ РЭЯ БРЭДБЕРИ

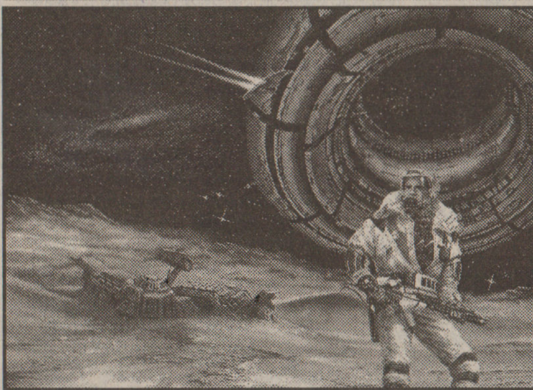
люди на Марсе обосновались уже давно. Остались в прошлом первые неудачные экспедиции. Практически все марсиане вымерли от земных болезней. Люди чувствуют себя на Марсе полновластными хозяевами. Они пытаются начать здесь новую жизнь. Они привозят сюда любимые книги, спасая их от земных управлений Нравственного Климата. Они дают новые имена марсианским горам и долинам, строят города и закусочные, заводят на Красной планете свои порядки...

До ядерной катастрофы на Земле остается всего год...

Вы знаете это. Вы, безусловно, знаете это. Вы не можете этого не знать: времени не существует. Все, что когда–либо было и что когда–либо будет, — уже есть. Оно существует в каждый отдельно взятый момент времени, и профессор Н.А.Козырев со товарищи давно доказали это на примере далеких галактик.

Вы не верите? Прекрасно! Тогда что вы скажете на это: 2004 год уже наступил. И наступил не однажды, причем в разное время. Он наступил, и с тех пор остается неизменным. Хотя с каждым своим приходом он становился совершенно другим — и при этом оставался прежним.

Фантастика, скажете вы? Ну наконец–то! — отвечу я. Наконец–то вы поняли: речь идет именно о фантастике. О фантастических произведениях, в которых 2004 год наступал уже неоднократно — и каждый раз был иным.

БУДУЩЕЕ ОТ ЙЕНА МАКДОНАЛЬДА

Этот писатель в своих повестях построил для разных народов прекрасное грядущее. Так, если верить "Истории Тенделео", именно в 2004 году на Землю упал первый контейнер с чаго — микроскопическими живыми машинами из системы Ро Змееносца. Биомеханизмы приживаются только в Южном полушарии, но зато там захватывают огромные пространства, полностью преобразуя все, к чему прикасаются. Фактически это нанороботы, а еще точнее — нанокиборги, и человек может задать им программу на создание чего угодно из ничего. Правда, до тех пор, пока люди перестанут бояться чаго и овладеют искусством "биопрограммирования", пройдет более десяти лет...

В технократическом обществе повести "Камень, ножницы, бумага" как раз в это время приобретают большую популярность так называемые родовые сообщества. Они состоят из женщин — "брошенных, вдовеющих, разведенных, просто никогда не состоявших в браке. Они объединялись под одной крышей, чтобы противостоять морю свободно дрейфующих по жизни мужчин. Родовое сообщество: пять целых три десятых человеческие единицы; три целых две десятых добывают средства к существованию, содержат себя и две целых одну десятую убежденных матерей, которые рожают детей. Мужчины приходят и уходят, вступая в индивидуальные связи с отдельными членами, но их никогда не рассматривают как членов сообщества. 2003 год — родовое сообщество добилось легального статуса в Европейском суде".

Еще более печальные перспективы у семьи в

БУДУЩЕМ ОТ РУДИ РЮКЕРА

Люди научили роботов думать, но Золотой век из–за этого не настал. Думающие роботы — бопперы — в 2001 году подняли восстание, и теперь выращивают в своей независимой колонии на Луне необходимые людям "запчасти" — почки, сердца, глаза... А на Земле стало слишком много стариков. Бэби–бумеры сороковых годов XX века никому не нужны в начале века двадцать первого. Поэтому правительство сгоняет их всех в резервацию во Флориде, подкармливает далекой от экологической чистоты пищей и ждет, пока они сами перемрут. Впрочем, молодежь и живых "предков" зовет жмуриками и относится без малейшего почтения.

Но даже на фоне панковских фантазий Рюкера суровым и мрачным выглядит

БУДУЩЕЕ ОТ РОБЕРТА СИЛЬВЕРБЕРГА

После случившейся в 1985 году Второй Американской революции к власти пришел Совет Синдикалистов. Правительство это "слишком цивилизованно, чтобы казнить людей за подрывную деятельность, и слишком трусливо, чтобы оставлять их на свободе". Поэтому в 2004 году оно начинает высылать неугодных в лагерь "Хауксбилль", расположенный не "где", а "когда" — на миллиард лет назад, в эпоху, когда на Земле нет еще даже динозавров, лишь плещутся в море примитивные трилобиты. Ссылка пожизненная — умерший за несколько лет до этого Хауксбилль уверен, что перемещения по времени возможны только в прошлое. Только через четверть века станет известно, что это не так...

Что ж, перспективы фантасты рисовали не слишком веселые. Порадовать может только то, что живем мы все–таки не в описанных мирах. Впрочем, действительно ли реальность веселее?

Роман КАРАКОЗ

ВПЕРЕД, В ПРОШЛОЕ?

В России уральские литераторы обратились в Думу с просьбой учредить новый государственный праздник — День писателя. В качестве "красной даты" предлагают 6 июня — день рождения Александра Пушкина.

А российские фантасты чувствуют себя настолько незащищенными, угнетенными и отверженными, что не могут обойтись без собственной организации — Союза писателей–фантастов России (СПФР).

Основными целями создания СПФР Оргкомитет объявляет возрождение и развитие российских традиций образования, культуры, морали и нравственности; участие в воспитании детей и юношества, а также защиту интересов и продвижение произведений писателей–фантастов (в том числе и с целью увеличения уровня их гонораров).

Поддержку Союзу оказывают администрация президента, известные политики (в том числе и В.В.Жириновский), космонавты, различные общественные и госструктуры, ведущие российские издательства.

ВСЕ ЖАНРЫ БУДУТ В ГОСТИ К ВАМ!

Летом этого года московское издательство "Аванта+" начало выпуск "Антологии мировой фантастики". К ноябрю вышло уже восемь томов из обещанных пятнадцати. Произведения отечественных и зарубежных авторов "Антологии" распределены по темам. Так, в первом томе помещены произведения, в которых описывается конец света, во втором — путешествия по времени. Третий том носит название. "Волшебная страна" (фэнтези, произведения о сказочных существах и странах), четвертый — "С бластером против всех" (космический боевик). Пятый и шестой тома посвящены проблемам контакта с иноразумом: понимание, сотрудничество — или конфликт и враждебность. В седьмом томе представлены произведения жанра космическая опера. Восьмой том — "Замок страха" — хороший подарок для любителей хоррора.

Каждый том снабжен словарем фантастических терминов, вступительной статьей кого–нибудь из корифеев современной русской фантастики, краткими сведениями об авторах и обзором произведений данной тематики.

Марина ЛЕС

Океан

Маяк появился неожиданно, будто вынырнул из моря. Хлопотливо стрекотал мотор, катер проворно приближался к островку. Небо было пасмурным, под порывами ветра клубились темные осенние тучи.

Соколов чувствовал себя неуютно. Он смотрел на обветренное лицо Иваныча и отчетливо осознавал свою здесь неуместность. В старом бушлате и потертой фуражке с якорем, сдвинутой на бок, Иваныч выглядел как настоящий морской волк. Правда, вместо трубки в углу рта у него дымилась "беломорина". Он щурился от ветра, насмешливо поглядывая на пассажира, но молчал.

Катер подошел к небольшому бетонному причалу. Иваныч заглушил мотор, прошел на нос так, словно для него и не существовало качки, и прокричал стоящему на причале мужчине в черной ветровке:

— Эй, Сашко! А ну, лови трос...

Через пару минут Соколов уже стоял на твердой земле. Иваныч и смотритель маяка выгружали из катера какие-то ящики.

— А это, Сашко, стало быть, гость к тебе. Товарищ Соколов, писатель из столицы.

Смотритель маяка протянул руку, но взгляд его остался твердым и холодным.

— Здравствуйте, — проговорил он сквозь зубы не слишком радушным тоном. — Ивченко, Александр.

— Очень приятно... Евгений. — Соколов почувствовал крепкое рукопожатие.

— Товарищ писатель хочет пожить у тебя несколько дней, — пояснил Иваныч.

— Да, знаете ли... — улыбнулся Соколов, испытывая неловкость. — С детства мечтал побывать на необитаемом острове. Вы не возражаете?

Ивченко промолчал.

— Ну ладно, мне возвращаться пора, — сказал Иваныч, поправляя фуражку. — Ветер с севера, завтра шторм придет — спину на неделю, будь он неладен, с утра ломит...

Старик закурил новую папиросу и спрыгнул в катер. Затарахтел мотор, катерок быстро поплыл прочь, оставляя за собой пенный след.

Смотритель маяка взял два ящика и быстро зашагал по тропинке, ведущей к маяку, не оглядываясь. Соколов прихватил свой чемодан и оставшуюся коробку и последовал за ним.

Маяк стоял посреди острова, возвышаясь над ним подобно рыцарскому замку. Остров был скалист и невелик, над ним в предштормовой суете носились чайки. От горизонта до горизонта простирался океан.

Ивченко толкнул дверь и пропустил гостя в темное помещение. Щелкнул выключатель, зажигая тусклую лампочку. Стены были увешаны множеством разных вещей, из которых Соколову были знакомы только мотки веревок и керосиновый фонарь. Смотритель провел гостя по узкой винтовой лестнице. На втором этаже начиналось собственно жилье смотрителя. Обстановка была более чем скромной, но здесь, по крайней мере, было тепло, сухо и даже уютно. Ивченко бросил на диван пачку газет — почту, привезенную катером, — и сказал:

— Располагайтесь. Я приготовлю что-нибудь на ужин.

Соколов сел на диван, развернул первую попавшуюся газету. В глаза бросились заголовки: "Торнадо на восточном побережье США", "Шторм у берегов Франции". "Здесь шторм тоже разыграется не на шутку", — подумал он, прислушиваясь к реву ветра за окном.

За ужином Ивченко молчал. Соколов понял, что он не привык много разговаривать, и решил начать разговор первым; угрюмая молчаливость хозяина начала действовать на нервы.

— Ну и шторм! Ничего подобного в жизни не видел.

— Это еще не шторм. Шторм придет к утру, — сказал Ивченко. Помолчал и добавил: — Вы правда писатель?

— Надеюсь, что так, — усмехнулся Соколов. — По крайней мере, некоторые мои книги имели успех: "Ночное солнце", "Это случилось завтра"...

— Ну и как вам океан?

— Есть в нем какая-то первобытная, дикая сила. Его, по-моему, очень трудно описать так, чтобы вышло по-настоящему.

— Знаете, почему? Океан живет своей, непостижимой для нас жизнью. Он слишком велик для человека и потому непонятен. А великим и непонятным можно либо восхищаться, либо бояться его.

Слова эти удивили Соколова: он никак не ожидал услышать нечто подобное от мрачного смотрителя маяка. В первую ночь он долго не мог уснуть. Свистел ветер, грохотал прибой, раздавался басовый рев маяка, перекрывавший все остальные звуки, яркий луч света пронзал мрак, выхватывая из темноты огромные волны, рвущиеся к клубящемуся тучами небу...

К утру шторм стал еще сильнее. Соколов вместе со смотрителем поднялись на самую вершину маяка. На небольшой площадке было тесно из-за механизма, приводящего в действие прожектора, но еще теснее и неуютнее было от ветра. Ивченко молча копался в механизме, а Соколов стоял, вцепившись руками в поручни и не мог оторвать взгляда от раскинувшейся внизу устрашающей, но величественной, обладающей магической притягательностью картины буйства стихии. Океан сделался черен, волны неслись к острову и всей своей массой разбивались о камни. Вверх, к затянутому низкими серыми тучами небу взметались облака водяных брызг и пены...

Соколову казалось, что он слышит, как остров содрогается от ударов волн, словно это не океан внизу, а какое-то огромное существо бросается на берег с каждой новой волной и безуспешно откатывается назад...

После обеда он сел просмотреть рукописи, которые захватил с собой, намереваясь поработать здесь, на острове. Тогда, всего несколько дней назад, написанное казалось ему умным и уместным, а сейчас, странное дело, он листал страницу за страницей с ощущением, что это чужие мысли. Он начал править, но выходило еще хуже. "Все не то, совсем не то, — думал он. — Во всем виноват океан... Им действительно можно или восхищаться, или бояться его. Значит, я — боюсь?"

Повинуясь безотчетному импульсу, он сгреб рукописи и спустился на кухню.

Ивченко был там, читал газету. Соколов присел на корточки возле печки, развел огонь. Несколько минут он бросал в печку пачку за пачкой и ворошил бумагу кочергой. Пустые слова взлетали чешуйками пепла и уносились в дымоход. Когда все догорело, Соколов поднялся и отошел к окну. Ивченко молча смотрел на него.

За окном ветер быстро гнал черные тучи, меж ними сверкали молнии, и с каждой минутой становилось темнее, будто наступала ночь.

— Зачем вы сожгли свои рукописи? — спросил Ивченко, складывая газету.

— Океан заставил меня сделать это, — сказал Соколов, не оборачиваясь. — Там было слишком много лжи. Сегодня я увидел океан и понял: все, что я делал раньше, гроша ломаного не стоит.

— А вы, оказывается, неплохой человек, — произнес Ивченко слегка удивленно. — Вы читали "Солярис"?

— Станислава Лема?

— Да. Так вот: Лем не выдумал его.

Очень яркая молния вспыхнула, и через несколько секунд раздался грозный раскат грома. Соколов повернул голову, вопросительно глядя на Ивченко.

— Мы допускаем существование живого Океана где-то в Космосе, но не видим, что он занимает три четверти поверхности нашей планеты. НАШ океан, — пояснил смотритель маяка.

— Вы что, всерьез думаете, что он... разумен?

— Не совсем... Он возник тогда, когда на Земле не было еще и речи о жизни. Миллиарды лет ничто не нарушало его покой, поэтому у него не было стимула к развитию, он находился как бы в младенческом состоянии. Так продолжалось до тех пор, пока не появились мы. Люди. Мы сразу же начали взрывать в океане бомбы, сливать туда ядовитые отходы, топить атомные подводные лодки. Мы делали ему больно. И с каждым годом все больнее... — Ивченко помолчал, был слышен вой ветра и грохот прибоя. — Вы замечали, как в последние годы меняется климат? Во всем винят парниковый эффект... Но я думаю, дело в другом. Океан получил стимул к развитию. Мы вынудили его к этому. В конце концов, даже амеба приучается не лезть под электрический ток. Океан ПРОСЫПАЕТСЯ. В его огромном теле происходят неведомые нам изменения, отражающиеся на всей планете. Над океаном зарождаются ураганы невиданной силы, из его глубин поднимаются волны, сметающие целые города.

Ивченко бросил на стол газету, и Соколов увидел заголовок: "Цунами обрушиваются на Японию".

— Чтобы выжить, океан должен уничтожить все, что вредит ему. И не надо искать в этом соотношения с нашими понятиями добра и зла. Это просто защитная реакция. Инстинкт. В сущности, наш океан еще ребенок. Его разум только начинает пробуждаться.

— И что же дальше? — спросил Соколов.

— Океану будет достаточно нескольких ударов, чтобы смести человечество. А потом... потом воцарится покой, но океан уже будет развиваться, потому что мы дали ему стартовый толчок. До каких вершин он поднимется — этого нам знать не дано.

— Вы думаете, я сумасшедший? — неожиданно спросил Ивченко, поймав взгляд Соколова. На его губах появилась легкая усмешка. Он пожал плечами: — Можете мне не верить, дело ваше. Я давно живу рядом с океаном, и, кажется, научился понимать его. Прислушайтесь к шторму. Развязка близка. Но я всего лишь человек, мне страшно, как и всем. И потому я храню пистолет с единственным патроном... А вы, наверное, неплохой писатель. Жаль, никому не прочесть книгу, которую вы могли бы написать ПОТОМ... Извините, что у меня нет второго патрона. Для вас.

Ивченко вышел, оставив Соколова одного. Тот слышал грохот океана, рев маяка, видел вспышки молний за окном. Он отер со лба испарину. "Нет, этого не может быть. Все-таки он сумасшедший", — повторял писатель, пытаясь убедить себя в этом, потому что глубинный ужас готов был захлестнуть его.

Звук выстрела заставил его вздрогнуть. Он взбежал по винтовой лестнице в комнату Ивченко и замер на пороге.

Смотритель маяка лежал на полу в расплывающейся луже крови. Рядом валялся пистолет. Кровавая лужа блестела, и от нее трудно было отвести глаза. Ему вдруг подумалось, вяло и отстраненно, будто это происходило не с ним: "Почему говорят, что кровь алая? Черная она, черная..."

Стало вдруг тихо. Неестественно тихо.

Соколов сбежал по винтовой лестнице вниз, толкнулся в дверь. Холодный ветер ударил его в лицо. Шатаясь, он побежал прочь, не зная, куда и зачем бежит, потом остановился и обернулся. На фоне покрытого тучами серого неба маяк казался белым, как выветренная кость; он заревел, а когда рев умолк, Соколов услышал в зловещей тишине ровный нарастающий гул за спиной.

Повернувшись к океану, он увидел, как навстречу ему несется чудовищная, заслонившая полнеба черная волна, вобравшая в себя всю мощь Океана.

Виталий СЛЮСАРЬ

Демонология

Я смотрел на Мак Дремора. Мак Дремор смотрел на меня.

Взаимное рассматривание продолжалось уже битых пять минут и постепенно надоедало. Заговорить первым — не солидно, ждать — бессмысленно.

— Рассказывай! — Приказал я и тут же смутился. Надо же было так идиотски начать беседу.

Мак Дремор быстро сориентировался и воспользовался моей ошибкой.

— Я вызвал вас. Не так ли?

Что отвечать? Действительно вызвал.

— Так.

— Очень хорошо. Теперь, судя по всему, вы должны исполнить несколько моих желаний. —

Мак Дремор не спрашивал. Он утверждал.

— Безусловно. Взамен же потребую душу.

Профессор пренебрежительно хмыкнул. То ли душа перестала быть ценностью, то ли...

— Знаю. Но, думается мне, я смогу обвести вас вокруг пальца. Завязать ваш хвост бантиком. —

Мак Дремор улыбнулся.

Ах, вот оно что. Мельчает человеческий род. Здравый рассудок стал рудиментом.

— У меня нет хвоста, — сообщил я.

— Вижу, — ответствовал Мак Дремор. — Несколько удивлен подобным поворотом событий. Ожидал классического черта. С рогами, копытами, хвостом и запахом серы.

Я поморщился:

— Вы, люди, всегда мыслите антропоморфно. Даже существо небесное выглядит так же, как человек. Дополненный рогами, копытами, хвостом. И запахом серы. Эти милые штучки нужны, чтобы продемонстрировать ущербность?

Мак Дремор успокаивающе поднял руки:

— Будет вам острить, мистер черт. Не горячитесь.

— Предпочитаю, чтобы меня не называли чертом.

Мак Дремор согласно кивнул. Затем, меняя тему, изрек:

— Если позволю вам покинуть пентаграмму, гарантируете ли, что я останусь в целости и сохранности?

Я усмехнулся про себя. Почему-то все считают, что пентаграмма способна надежно защитить от демона. Тем не менее разрушать иллюзию не стал. Ответил утвердительно.

Спустя некоторое время мы с Мак Дремором сидели в мягких креслах и потягивали виски.

— То есть, мистер, вы — игрок. Соревнуетесь с обычными людьми. Кто кого перехитрит. Так?

— Именно, — заверил я Мак Дремора. — Отличная гимнастика для ума. Выбираю наиболее достойного на данный момент представителя и состязаюсь.

— Интересно, — поинтересовался профессор, — как же получается, что именно этот самый достойный начинает заниматься демонологией в то самое время, как вы решаете устроить соревнование? Совпадение?

— Пусть это останется моим маленьким секретом. — Улыбнулся я.

— А не вынуждаете ли таким же образом оппонента совершать ходы, которые были бы вам на руку? — как бы невзначай спросил Мак Дремор. Я почувствовал, что он напрягся в ожидании ответа.

— Нет. Игра идет честно. У вас — три желания. Три любых желания. Потом я забираю душу. Сможете вывернуться — вы победили, не сможете — проиграли.

— Я могу просить все, что угодно?

— Абсолютно. За исключением трех вещей. Я не смогу сделать вас Богом. Дать бессмертие. Убить себя. Все остальное — пожалуйста.

— Все?

Усмешка.

— Да. Хотите постичь вселенскую мудрость? Раскрыть тайну мироздания? Женщин?

— Я подумаю. Значит, как только определюсь с первым желанием, достаточно будет просто мысленно вас позвать? И все? Никаких пентаграмм и заклинаний?

— Именно так, профессор, — заверил я Мак Дремора.

— Хорошо, мистер демон, тогда вы — свободны.

— Multas voluptates opto, — усмехнулся я, исчезая.

Слишком хорошо я знал подобных людей. Главное — забросить наживку. Сыграть на тщеславии и самоуверенности. Очень просто. Во всяком случае, так написано в самоучителе.

Люди всегда действуют по одной и той же схеме. Первым делом желают...

— Мистер дьявол, я решил, каким будет мое первое желание.

Я вопросительно поднял брови.

— Наверное, вы такого от меня не ожидали. Пока никаких планов и задумок. Играть я начну чуть позднее. Сейчас я хочу — денег.

Я попытался сделать удивленное лицо. Кажется, вышло вполне убедительно.

— Мне не нужен нездоровый интерес налоговой службы и мафии. Не желаю миллиард долларов сразу. Пусть это будет что-то вроде внезапного везения. Например, я куплю пакет акций Максвел Трэйн, а через неделю...

— Все понимаю. — Улыбнулся я. — Организуем.

Второе желание, как правило, немногим более разумное...

— Долголетие. Я хочу жить очень долго. Чертовски, пардон, долго. Максимально долго.

Я поцокал языком:

— Optime mihi convenit. Это будет просто.

По поводу третьего в самоучителе не было сказано ни единого слова. Но если я правильно понимаю особенности человеческой логики, то...

— То есть у меня нет ни единого шанса? В любом случае вы завладеете моей душой? — вопрошал Мак Дремор.

— Да. Не представляю, как можно этого избежать. Открою секрет: победить в игре — невозможно.

— Думаете, мистер дьявол? Помните, я обещал завязать ваш хвост бантиком? — в голосе профессора послышались нотки ликования. — Я сдержу слово!

— И как же? — удивился я. — Думается мне, вы проиграли.

— Ха! Готовы ли услышать мое последнее желание.

— Готов, — настороженно ответил я. — Quid est in votis?

— Минута моего триумфа и вашего поражения. Я желаю... Желаю стать вами! Дьяволом!

Пауза.

— Будет исполнено, — улыбнулся я.

— ...Стану всемогущим! Неужели никто никогда не додумывался до столь простого и изящного решения? Это же элементарно!..

Я качнул головой:

— Увы. Додумывался. — Тихо прошептал: — И все ему с душой не будет сладу...

Ущипнул себя за руку, еще не до конца осознавая, что все вернулось на круги своя. Провел ладонью по небритому подбородку.

Неужели я вновь человек?

Больше не дьявол?

Свершилось... Я вернусь к своему проклятому миллиарду долларов. И буду жить чертовски долго, оставаясь молодым и здоровым.

Надеюсь, Кант и Макиавелли не будут сильно скучать. Как же им, наверное, надоела эта бесконечная смена собеседников. А Мак Дремор... Что ж, теперь его черед готовиться.

Слава тебе, боже, я проиграл!

Проиграл!..

Дмитрий ЛОПУХОВ

ДОЖИВЕМ ДО ВЕСНЫ

Издательский дом "Мой компьютер" и журнал "Реальность фантастики" объявили о своих планах провести 15–18 апреля в Киеве Первую Международную Ассамблею фантастов "Портал–2004". Намечены творческие встречи с известными украинскими и зарубежными писателями–фантастами, кинематографистами, работающими в этом жанре, кинопоказы, концерты, конференции.

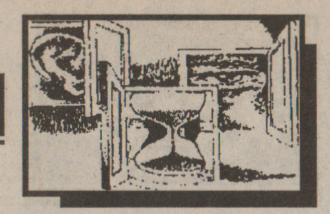
РОБОТЫ — ТОЖЕ ЛЮДИ!

Хотя нафантазированная в 1982 году писателем Руди Рюкером революция роботов до сих пор не произошла, но предвестия этого в реальности имеются. В книге "Software.exe" к росту самосознания подтолкнул роботов человек, который решил, что азимовские законы робототехники приводят к дискриминации искусственно созданных организмов. Кобб Андерсон внушил своим созданиям, что "роботы — тоже люди" — ну а больше революционерам ничего и не надо, дальше они и сами разберутся.

Отягощенные разумом бопперы по Луне пока не бегают, но предпосылки для бунта машин уже существуют. В США с 1999 года действует общественная организация ASPCR (American Society for the Prevention of Cruelty to Robots) — Американское общество за предотвращение жестокости по отношению к роботам.

Свою миссию ASPCR видит в том, чтобы гарантировать права всех искусственно созданных разумных существ, широко известных как роботы. И объясняет это тем, что развитие робомозгов скоро сделает роботов разумными. А любое разумное существо (в том числе и искусственно созданное) имеет ряд неотъемлемых прав: право на существование, независимость и стремление к знаниям, — независимо от того, гуманоидно ли оно, пребывает в металлической гуманоидной форме (классический робот), в негуманоидной форме (например, обладающие самосознанием космические станции) или в нефизической форме (к примеру, нейронная сеть).

При этом Общество не интересуется неинтеллектуальными машинами, независимо от того, как хорошо они моделируют человеческие эмоции, реакции или интеллект. ASPCR заинтересовано исключительно в подготовке этических руководящих принципов в ожидании появления реальных интеллекта и самосознания в искусственных созданиях.

Фэнтези как отражение пост–постиндустриального мира

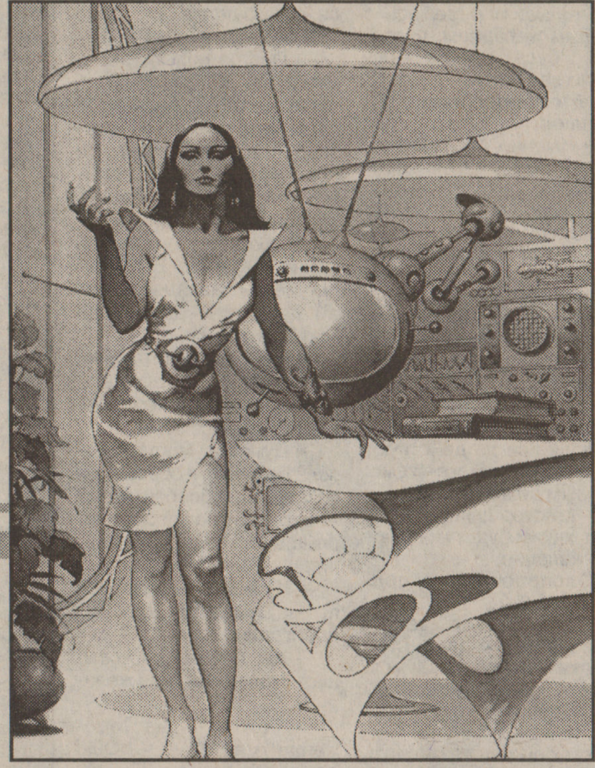
Вначале немножечко футурологии (ну крайне необходимо для пояснения процесса).

Постиндустриальное общество — благая мечта западной фантастики 60–70–х годов, на сегодняшний день существующая в некоем приближенном виде в США, Японии и некоторых странах Европы, — продолжает развиваться. По крайней мере, так говорят кое–какие припудренные нафталином головы. Из тех, что за сто лет не утратили веру в нового бога — Научно–Технический Прогресс. Бог тот, обещавший переплюнуть всех предыдущих скопом, дышит на ладан, кашляет, часто плюет кровавой мокротой человеческих останков, однако все еще напрягает блестящие урано–ракетные бицепсы, пялит подрихтованные микрохирургией глаза и балакает нечто неразборчивое на языках программирования высокого уровня — обещает манну небесную, много и для всех. Львиная доля населения Земли, коих его благость и помыслы обошли стороной, смотрят на его конвульсивные выпады без особого интереса, но с некоторой опаской, ибо смутно подозревает, что когда эта новая Вавилонская Башня начтет шататься — спрятаться будет некуда.

Естественно, апологеты неустойчивого бога продолжают увещевания. Впридачу к молитвам навешивают на уши разинувшим рты лапшу, посредством коей пытаются сместить их центр тяжести с ног в голову и с помощью такой акробатики доказать новомодную байку. Байка та повествует, что мир вошел в виток информационного развития. Виток сей столь круто загибается вверх, что попросту не нуждается в устаревшей индустриальной опоре.

Сказка о постиндустриальном рае стремительно камуфлируется, перекрашивается в костюм постинформационного мира. Нам в очередной раз хотят доказать, что голова не только способна существовать, отделившись от туловища, но еще и научилась отращивать себе крылышки, а также воспарять на них в воздухе, а даже в вакууме.

Однако жующие эту странную лапшу из программистских побасенок замечают, что информационно–прогрессорская шумиха — не более чем очередной этаж Вавилонской Башни, делающий ее еще более неустойчивой.

Центр тяжести смещается, верхние эстакады кренятся...

Так вот, поскольку сегодня все индустриальные (и кривые копии постиндустриальных), а также новомодные информационные общества людей базируются на нефти... Да–да, именно на этой мерзкой пачкающейся гадости, кою большинство наблюдает только в телевизионном переотражении. Именно на нефти, к тому же не на той ее малой части, из коей творят пластиковые корпуса этих самых икон нового бога — мониторов, а той, что используется по прямому назначению — в виде калорий и килокалорий тепла. И значит, поскольку цивилизация Земли стоит на нефти, а ее, родимой, в планета наша запаса не слишком много, то...

Слышу, слышу возгласы с мест. "А как же атомные?.." Да, еще не укатил тот атомный поезд, но уже слышно, как он выпускает пары и вот–вот, разогнавшись, скроется за горизонтом реальности. Оказывается, и запасы урана конечны.

Что там еще? Термояд? Мы строили, строили... Так долго, что уже и застыли в наклонных позах. Вместе со строителями коммунизма.

Еще? Газ? Уголь? Первого — маловато будет. Второго — хоть и много, но не везде достанешь. Как и магний с Луны. Солнечная энергия? Что–то не видно экономически выгодных проблесков. Разве что из космоса. Но тогда разработкой технологий надобно заняться уже сейчас. Где поползновения? Да и вообще, не ко мне, не ко мне с этими вопросами. Есть масса источников, благо пока информационный век в стадии расцвета.

Итак! Залежей Госпожи Нефти всего лет на 30–40, ну путь 50 лет — для оптимистов, коим уж очень хочется докоротать свой личный, причем долгий, век в индустри–постинформационном рае. А потом? Смело, товарищи, в ногу! Только не на другие планеты–звезды, как обещал неодряхлевший НТР–бог годков эдак... да всего–то тридцать назад, а в век доиндустриальный, то есть местами феодальный, местами — рабовладельческий, а местами — каменный.

Естественно и понятно, что еще до этого... Мы смело в бой пойдем в борьбе за это! То есть за остатки–шматки того самого индустри–постинформационного рая. Но все это не наша история, и не о ней сейчас речь.

Итак, поначалу деление останков цивилизации; быстрое угасание человечества количественно, а возможно, и качественно — вследствие всяческих нездоровых озоново–кислотных дыр; борьба с природой в мире, где она выведена из равновесия былыми подвигами человека разумного. В общем, много чего. Однако Мать–Природа сильна, и если при последнем дележе атомно–водородные залежи использованы не будут, то вполне может случиться, что нанесенный за столетие вред сам собой нейтрализуется.

А там...

Надежда на кого–то не из человеческой породы? Мала. Разве что какие–то живучие мутационные формы. Крысы? Их экспансия зачахнет вместе с человеком. Слоны? История та же, что и с китами, — вряд ли они сохранятся в мире после последнего дележа. К моменту истощения биологических ресурсов, потребных цивилизации, всем будет не до экологических тонкостей, в том числе — не до запрета на убийство голубых гигантов. Приматы? Ха–ха! 2040 год: "Джунгли, где вы? Ау!" Нет, как будто и не было.

И значит, надежда на нас, на наших далеких потомков, выживших в эквилибристике бедствий предыдущих сто... извините — тысячелетий.

Итак, год эдак 7040–й (Мать–Природа творит чудеса не поспешая).

Мир человека.

Декорации полезные: лошадка, коровка, коза и, может быть, нечто мутационно–пригодившееся.

Неполезные: одичавшие стаи собак и кошек (говорите, не охотятся группами? Ну–ну!), все те же волки (смесь зоопарковых с дикими — убойно поумневшая сила).

Фон: холмы, поросшие лесом, скудные маленькие поля.

Инвентарь: плуг, пиджачок из шкуры (и хорошо, если не человеческой).

Боевой инвентарь: копье, меч, лук (все деревянное, ибо ту руду, что на поверхности, прапрапрадеды повыгребли, а ту, что водится в останках городов, попробуй обработать на костерочке из дров. Уголек–то, который поверху, тоже пожгли давненько).

Основное занятие людей: хождение за плугом, охота на одичавших кур (былому разнообразию видов неоткуда стартовать — даже пять тысячелетий для такого процесса — не срок).

Кое–где бродят уникумы — профессиональные бойцы. И один в поле воин, поскольку не то что огромные, а даже малые армии содержать не на что. Мир известен в радиусе недельного конно–пешего перехода. Дальше земля полнится слухами. Возможно, там действительно существуют драконы. Кто знает? Все возможно в зонах, где забытым атомно–водородным чудесам не дали спокойно заржаветь. Черт ведает, какой мутационный всплеск пошел в некогда огороженных атомных станциях и когда–то засекреченных могильниках.

А где–то есть приглаженные вечностью скелеты городов. Никто там не живет днем, но какие призраки бродят там ночью? О них рассказывают дышащие на ладан беззубые сорокалетние дедушки и бабушки.

А где–то, ходят слухи, есть бесконечно глубокие пещеры (бывшие шахты). И может быть, там тоже кто–то водится.

А еще кое–где иногда встречаются маги. Те, кто может объяснить природу иногда падающих звезд (последних геостационарных спутников) и рассказать истории о некогда водившихся на Земле народах.

А кое–где в этой бесконечности пространств, почему–то расставленных на старых картах (являющихся перерисовками с прошлых перерисовок и, естественно, накапливающих ошибки), существуют древние клады с полными чашами сверхъестественных знаний, понять большинство коих уже не в силах никто.

А еще...

Вам это ничего не напоминает? Мне — да.

Вот он — мир фэнтези наяву.

И значит...

Выводы. Современный всплеск популярности фэнтези есть реакция на смутно ощущаемое приближение конца века НТР. И этот всплеск достоверно отражает наши перспективы. Ибо, поскольку Госпожа Нефть очень скоро прикажет долго жить и не оставит после себя преемников, энергии для нового витка технической эволюции никогда не будет.

И значит, фэнтези есть отражение мира будущего не только далекого, но и крайне далекого, ибо культура, опирающаяся на плуг и лошаденку, довольствуется возобновляемыми ресурсами. А потому существовать ей до самого угасания Солнца. Аминь!

И да здравствует фэнтези как литература истинной и вечной истории будущего, для которой наше теперешнее время поклонения богу НТР является всего лишь спусковым крючком.

Федор БЕРЕЗИН, писатель–фантаст, г.Донецк

Ломака

«Быстрее!.. Скорей!.. Мигом!..» Ян, еще не окончательно проснувшись, очумело кивал головой на каждый приказ телефонной трубки. Когда на том конце провода наконец установилась тишина, отшвырнул аппарат и побежал в ванную. Судя по спешке начальства, начиналась мировая война или вновь приземлились пришельцы.

Приведя себя в порядок, он тихо заглянул в комнату дочки. Там было пусто. Не поддаваясь панике, Ян спустился в холл и проверил входную дверь – ребенок все еще был в доме. Однако его не было на кухне, не было в гостиной, не было...

— Вика!

Четырехлетняя девочка обернулась и осуждающе посмотрела на встрепанного отца. Затем с сознанием выполненного долга положила маркер на ковер и протянула свои испачканные ручонки навстречу папе.

— А я рисовала, — счастливая улыбка озарила ее лицо.

— Да, дорогая. Ты у меня молодец. Только скажи, почему ты рисовала не на стенке, а на моем последнем чистом пиджаке?

— Рисовала! — радостно подтвердила Вика.

Посадив дочку на диван, Ян поднял с пола видеофон с аккуратно зарисованным экраном и собрался позвонить домработнице, но устройство не работало. Через две минуты поиска неисправности замначальника электронного исследовательского центра признал, что работа была проведена очень тонко и аккуратно — никаких внешних следов повреждения не было, но аппарат упорно отказывался включаться. Удивляться подобным вещам Ян прекратил после того, как Вика опрокинула тяжелый старинный шкаф: маленькая девочка непостижимым образом могла сломать или испортить любой предмет, который оказывался в ее поле зрения. Позвонив со стационарного видеофона сначала домработнице, затем в центр и покорно выслушав упреки от обеих сторон, он перенес дочку на кухню и попытался ее покормить...

Уже подъезжая к зданию, Ян понял, что неприятности серьезней, чем он думал: вся стоянка была забита, рядом с оградой стояли два бронетранспортера, повсюду ходили люди в военной форме. Пропуска проверяли все кому не лень, через каждые пять метров.

Внутри было ничуть не лучше. Несмотря на ранний час, все сотрудники уже были на рабочих местах. Или, вернее, суетились вокруг них, бестолково, при этом непрерывно интересуясь друг у друга, что происходит. Ян медленно пробирался сквозь этот бедлам, ежесекундно останавливаясь, чтобы пропустить тележки, здороваясь с многочисленными подчиненными и предъявляя пропуск у всего, что можно было принять за дверь.

— Входите! — Голос был отнюдь не доброжелательным, его интонации словно спрашивали у посетителя, сколько минут тот надеялся прожить, постучав в данный кабинет.

Ян открыл дверь и подошел к столу, стараясь не обращать внимания на бумаги с грифом «совершенно секретно», в большом количестве валявшиеся под ногами.

— Ты! — Стив, не подымая головы от клавиатуры, ткнул пальцем куда-то в сторону двери. — Говори быстро.

— Что случилось?! — Ян пытался сохранять хладнокровие, но помимо воли едва не кричал.

Стив удивленно поднял голову.

— Ты чего без пиджака? — неожиданно спокойно спросил он.

— Не обращай внимания. Что происходит?

— Пошли. Но учти, когда все закончится, ты уволен за опоздание.

Директор запер кабинет, и они спустились в подземную часть.

— Это ксидиты... — Стив и не думал прятать пропуск в карман, размахивая им в разные стороны. — Два месяца назад они установили контакт с ООН и подбросили им Головоломку. Тамошние олухи все сразу засекретили, но теперь, когда срок выходит, обратились к нам.

— Естественно. Только объясни еще раз.

Стив махнул рукой.

— Ты думаешь, я что-то понимаю? Хм, это было бы восхитительно.

Миновав последний дверной проем, который больше напоминал короткий коридор, они вошли в комнату, где, наконец, почти не было людей. Вдоль стен стояли штабеля нераспакованных ящиков, в центре же парило... Ян сразу понял, что это и есть Головоломка: медленно вращающиеся круги, ничем не соединенные ни друг с другом, ни с полом, а в центре — непонятный символ, переливающийся всеми цветами... или нет — меняющий материал, из которого состоял.

К ним подошел человек громадного телосложения с выправкой военного, но в белом халате лаборанта. Не обращая ни малейшего внимания на Стива, он пожал Яну руку и представился.

— Доктор Эрик Джолой. Я введу вас в курс дела.

Он откуда-то достал толстую папку и протянул ее Яну:

— Вот все материалы. Выносить их за пределы данного помещения запрещено. Однако у вас нет времени читать всю эту...

Ян передал папку Стиву и подошел поближе к Головоломке.

— Шестьдесят один день назад, во время заседания ООН, в полностью контролируемом зале внезапно появился контейнер из неизвестного материала. В нем было Это и документ на английском языке, где объяснялось, что «космическое сообщество Ксидит рассматривает наше образование на предмет вступления в космическую эру... В качестве проверки интеллектуального развития формирования Земля последнему надлежит в течение семидесяти дней разрушить специально сконструированный для данной цели предмет... При невыполнении теста формирование будет уничтожено как малоперспективное и даже вредное». Всего на шесть страниц, копия в папке.

— И что вы пробовали?

— Физическое, химическое, электрическое, радиационное, ментальное воздействия. Применяли лазер, невесомость, вакуум, ускоритель частиц. Все это в различных сочетаниях. Помещали в эпицентр атомного взрыва.

— И как Это себя ведет?

— По-разному. На одинаковые воздействия может ответить самыми разными способами, мои парни даже тотализатор устроили. Чаще всего просто уничтожает оборудование или игнорирует...

Эрик открыл один из ящиков и достал большой молот. Удар — и инструмент с силой врезался в пол, пройдя сквозь кольца. Еще один — и молот исчез в яркой вспышке.

— Несколько раз так пропадали люди, — спокойно сказал военный.

Через неделю Ян помнил число пи до трехсотого знака, знал решение всех головоломок, в которых использовались круги, но так ничего и не смог сделать с этой задачей.

Придя домой поздно вечером, он аккуратно расстегнул карман, и Головоломка, мгновенно выскользнув из пиджака, заняла место точно в центре комнаты. Ян достал отвертку, взял Это в руки и в тысячный раз начал перемещать кольца, пытаясь достать из середины непонятный знак...

Проснулся он поздно утром от громкого стука в дверь.

— Элкейр, сдавайтесь! Дом окружен! — кричал мегафон.

На улице слышался шум вертолетов и грохот подъезжающих армейских грузовиков. Чуть позже в эти звуки вплелся треск ломающегося дерева и звон разбитого стекла.

Однако Ян не обращал на происходящее ни малейшего внимания. Он строгим взглядом смотрел на Вику, которая сосредоточенно старалась собрать разноцветные кольца.

— Вика, что это значит?

Девочка выронила детали и с удивлением посмотрела на них. И в самом деле, как это здесь оказалось?

— Виктория, что это значит?

— Извини, папа. Я больше не буду.

— Ты сломала ее!

— Я нечаянно, — она поднесла кулачки к лицу и принялась тереть глазки. — Я больше не буду!

— Да ладно, Вика, не бери в голову, — Ян поднял дочку с пола и посадил к себе на колени. — Я вчера новый пиджак купил. Хочешь порисовать?

Константин ПРОКОПОВ

АППАРАТ «VOYAGER-1» ДОСТИГ ГРАНИЦ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Спустя 26 лет после запуска межпланетный зонд, чей срок эксплуатации должен был истечь уже через пять лет после выхода в открытый космос, удалился на расстояние, в 90 раз превышающее дистанцию между Землей и Солнцем, поставив таким образом мировой рекорд.

В настоящее время "Voyager-1" находится на расстоянии 8 миллиардов миль (около 13 миллиардов километров) от Земли — и при этом продолжает слать данные.

Работники проекта полагают, что если на борту станции не произойдет никаких поломок, данные с нее можно будет получать вплоть до 2020 года, хотя она уже и пребывает за пределами Солнечной системы.

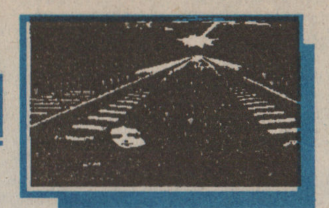
Все информационные агентства особо отмечают, что на борту "Voyager" находится золотой диск, на котором записаны приветствия от землян, изображения и другая информация о нашей планете. Естественно, это сделано с расчетом на то, что "Voyager" может быть перехвачен инопланетными цивилизациями, сообщает Интернет-журнал "Мембрана".

ТРЕНИРУЮТСЯ НА МЫШКАХ?

В своей статье "Генетически модифицированная бомба" писатель Том Хартманн предупреждал о возможности создания оружия, которое действовало бы только на определенные категории людей, "нацеливаясь" на заданные характеристики генов. И это "генное оружие" из фантастической пугалки превращается в реальность. Марк Баллер из университета Сент-Луиса, финансируемый правительством США, с помощью генной инженерии преднамеренно создал чрезвычайно смертоносную форму вируса оспы, которая может уничтожить всех мышей на Земле.

Ученый утверждает, что новый вирус, который будет испытан на разных животных, смертелен исключительно для мышей. Зато грызунов не спасет даже прививка. По словам самого Баллера, его работа необходима для борьбы с биотерроризмом.

Но уверенности в том, что созданная путем генетических модификаций зараза не обернется в конечном счете против людей, нет. И трудно предположить, что военные устоят перед искушением использовать результаты экспериментов на мышах против террористов-людей.

Красная пилюля

Реален ли мир, в котором мы живем? Вполне вероятно, что и нет, заявляет философ Ник Бустром. С равным успехом может оказаться, что обитаем мы с вами внутри некой грандиозной компьютерной симуляции. И вы, дорогой читатель, сейчас стоите перед выбором — точно как Нео в "Матрице". Синяя пилюля означает пропустить эту статью и в полном душевном комфорте продолжать себе жить как ни в чем не бывало, в блаженном неведении. Красная — прочесть эти строки. И уже ни в чем больше не быть уверенным!

Однажды с помощью компьютера удастся смоделировать человеческий мозг. Однажды с помощью компьютера удастся смоделировать человеческий мозг.

Стоп! Повтор? Верно. Такое иной раз случается. Ощущение такое, словно раньше то же самое уже происходило. И называется это красивым иностранным словом дежа вю. Причина: неверный контакт в мозгу, из-за чего настоящее видится как бы повторением прошлого. По крайней мере, так утверждают психиатры.

В "Матрице" Нео два раза наблюдает одну и ту же черную кошку, абсолютно точно повторяющую те же самые движения. Но в его мире это вовсе не дежа вю, а признак того, что существа, заправляющие всем вокруг, производят какое-то изменение в компьютерной симуляции, внутри которой он находится. Верный признак того, что нашего героя заманили в ловушку и ему нужно немедленно действовать, спасать друзей.

После выхода на экран первой "Матрицы" так называемая теория симуляции стала довольно популярной темой дискуссий. Представьте только, что и наши дежа вю — глюк в системе. Внезапное прозрение: весь наш мир с его народами, правительствами, войнами, парламентским большинством, инфляцией, звездами, планетами и прокладками — одна сплошная компьютерная игра. Замечательная тема для интеллектуальной беседы! Есть что обсудить за чашкой чая.

Но совсем другое дело, когда подобные идеи высказывает весьма уважаемый в научных кругах мыслитель!

Компьютерное сознание

Шведский философ Ник Бустром занимается этическими проблемами в Йельском и Оксфордском университетах. Недавно он предстал перед научной общественностью со своей собственной теорией симуляции. Очень велика вероятность, заявил он, что мы уже сейчас живем в поддельном (или фиктивном) мире.

"Доказательства" Бустрома, в общем-то, довольно просты. Но это уже определенно не разговор за чаем.

Респектабельный ученый по всем правилам научного подхода сначала делает допущение. Начнем, говорит, с того, что компьютеры постоянно совершенствуются. И однажды станет возможным построить суперкомпьютер, которому удастся смоделировать человеческое сознание.

От этой исходной точки, по мнению Бустрома, развитие может пойти двумя путями.

Путь первый. Ученые далекого будущего с помощью сверхмощного компьютера в состоянии создать целую цивилизацию ничего не подозревающих людей — виртуальных, разумеется. Но не делают этого. Возможно, их не интересуют компьютерные игрушки типа "SimCity". Или со средствами туговато. Или Заратустра не позволяет. Следовательно, мир, в котором мы живем, аутентичен. То бишь взаправдашний.

Жесткая режиссура

Но это предположение шведский философ со спокойной душой отправляет в мусорную корзину. Очень невелика вероятность, что будущие цивилизации сподобятся обременить себя всемирным законом, направленным против компьютерного симулирования (или моделирования) такого рода. Ведь даже с международным запретом клонирования людей ничего не получается. Да и трудновато нам заглянуть не только в головы, но и в портмоне наших далеких потомков. Может быть, какой-нибудь клуб миллиардеров, у которых денег куры не клюют, как раз и захочет поиграть в "SimWorld".

Вывод: мы почти наверняка живем уже таки в симулированном (смоделированном) кем-то мире. Потому что если в один прекрасный день мы сможем запустить подобный симулятор, то очень вероятно, что некая цивилизация однажды это уже сделала. До нас. И для нас.

Чушь? Ну, знаете ли... В принципе, это ведь все не так уж трудно. И до какой-то степени уже вполне возможно даже в наши дни. Возьмем, к примеру, добротно сработанную игру с виртуальной реальностью. Хорошая компьютерная графика, адекватный "движок" — и вот уже полностью погружаешься в роль пилота реактивного истребителя, защищающего Землю от вторжения инопланетян. Садишься в кабину вертолета и в клочья разносишь танковую колонну каких-нибудь исключительно гадких супостатов. При этом тебя или меня могут даже сбить. К счастью, без фатальных последствий для твоего драгоценного организма.

Мы знаем, конечно, что это игрушка, фикция. Оптический обман зрения и акустическое задуривание слуха. Но если с самого своего рождения существуешь в подобном симуляторе? Тогда ведь попросту ничего другого и не знаешь!

Еще пример. Элементарная телестудия, труппа сравнительно пристойных актеров, банда профессиональных статистов, толковый режиссер — имея все это под рукой, можно склепать вполне сносную симуляцию типа real-life. В фильме "Шоу Трумена" у героя Джима Керри поначалу не возникает ни малейшего подозрения о том, что живет он внутри именно такой вот симуляции. И только когда режиссер допускает промах, у нашего героя возникает мысль: мир-то, похоже, устроен совсем иначе.

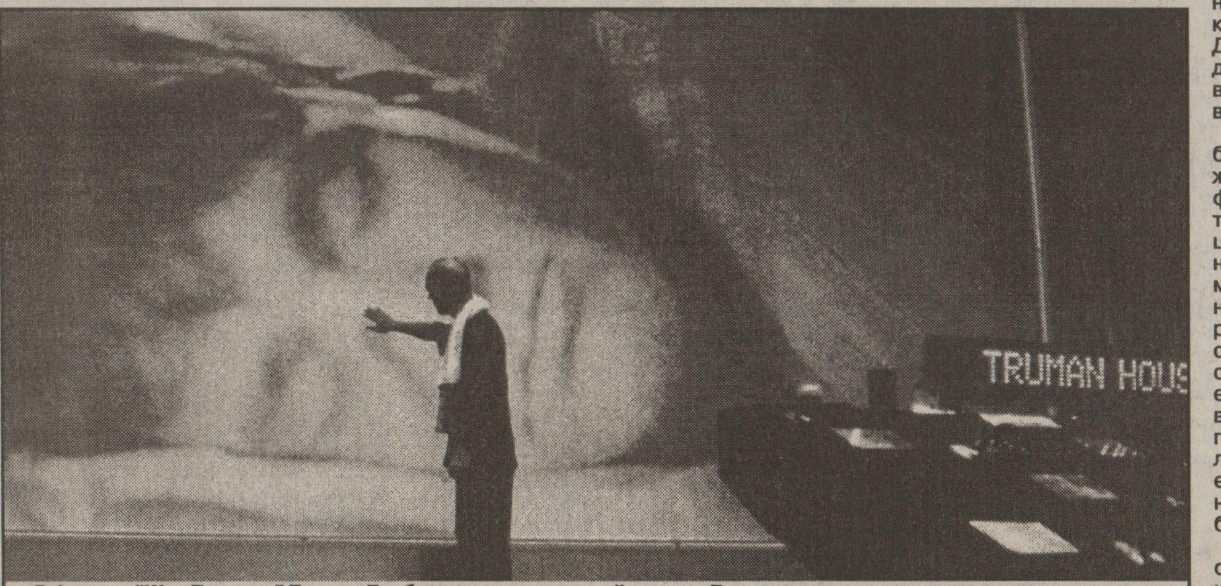
То есть главная задача суперкомпьютера будущего — не давать маху. "Нет проблем, — полагает Бустром. — Компьютеры будут достаточно мощными, чтобы создавать симуляции безо всяких глюков".

Так думает и австриец Ханс Моравец, крупный специалист в области искусственного разума. Моравец утверждает, что человеческое сознание, в общем-то, довольно легко смоделировать. Поскольку само по себе оно не более, чем серия электрохимических процессов в левом полушарии коры головного мозга. Компьютер помощнее может справиться с этими функциями, выполняя примерно десять в четырнадцатой степени операций в секунду. Еще до 2050 года, считает Моравец, нашу планету будут топтать первые по-настоящему разумные роботы.

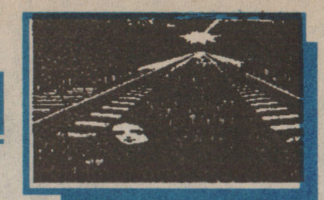
Самые продвинутые компьютеры совершали в 2002 году чуть меньше одного биллиона операций в секунду. Но с нанотехнологией, маячащей на пороге, лишь вопрос времени, когда цифровые мозги наконец созреют и для более серьезных дел. Бустром ссылается на прогнозы американского ученого Эрика Дрекслера, прикинувшего мощность компьютеров будущего. Нанокомпьютер величиной с кристалл сахара, согласно Дрекслеру, будет производить десять в двадцать первой степени переключений в секунду.

А теперь представим себе машинку величиною, скажем, с планету. Это кажется фантазией, но для достаточно разумной цивилизации будущего — раз плюнуть. Кстати, в одном из романов Дугласа Адамса вся наша Земля и есть один огромный компьютер. Короче, с такой "считалкой" можно спокойно рассчитывать на еще 21 нуль. История человечества воссоздается теперь за одну десятую миллионной секунды. И, следует полагать, подобной мощности достаточно, чтобы избежать глюков.

Хотя тут тоже не все просто. Сами габариты машинки неизбежно повлияют на ее быстродействие. Однако оставим решение этих проблем нашим потомкам.

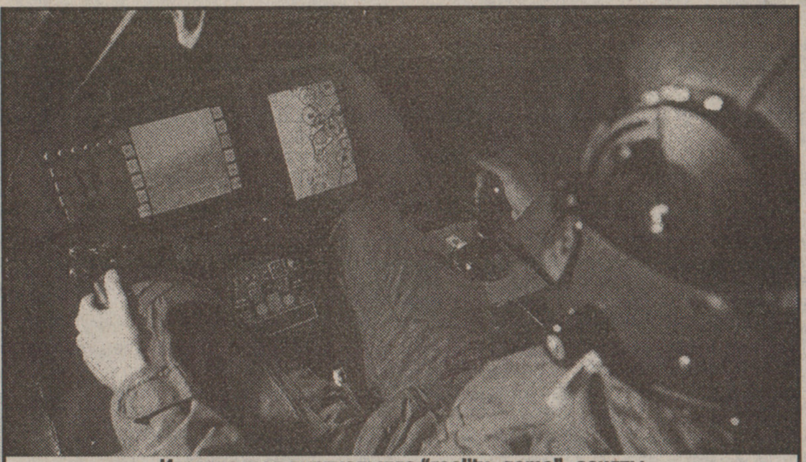
В фильме "Шоу Трумена" Трумен Бербенк живет в огромной студии. Его жизнь протекает согласно телесценарию. Городка, в котором он живет, не существует, все люди, с которыми он встречается, актеры, погода — спецэффекты. Трумен единственный, кто не знает, что его жизнь — это телевизионное шоу, которое ежедневно привлекает миллионы телезрителей.

Мир "за стеклом", или "под оком Большого Брата"?

Даже если в подобной компьютерной симуляции (модели) и случится крохотный сбой, то вы, среднестатистический налогоплательщик, этого даже не заметите. Ну, может быть, подумаете: вот оно, паранормальное явление! Пророчество во сне. Или то же дежа вю. В общем, никаких причин доискиваться потаенного значения.

Но если вы каким-то образом все же обнаружите наличие заговора, как это произошло с Труменом Бербенком в "Шоу Трумена" или с Нео в "Матрице", то расклад становится куда интереснее. Вы уже просто вынуждены будете заняться поисками истины, а если докопаетесь до нее — то и спасение человечества из мертвой хватки возомнивших о себе компьютеров.

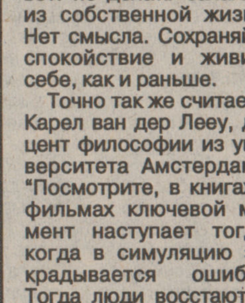
Играете вы в виртуальную "reality-game", заняты на тренировочном симуляторе для военных пилотов или запускаете нажатием кнопки настоящую ракету — техника этих трех совершенно различных вещей кажется иногда удивительно похожей.

Но не забывайте, что за пультом управления вашего мира наверняка расселись создания, обладающие невероятными способностями! Если ваше поведение чем-то им не понравится, то они в любой момент запросто могут принять решение удалить вас из своей симуляции. "Delet"нуть". Таким образом, лучше не портить с ними отношения.

Вам теперь ясно: ваша жизнь — фикция. Что делать? Сначала, конечно, стоит попытаться выяснить, зачем это высокоразумная цивилизация вздумала симулировать Землю, Солнечную систему, памперсы и весь остальной космос. Может быть, это исследовательский проект ученых и научный эксперимент? Чтобы посмотреть, к примеру, как пойдет мировая история, если в нее ввести Вторую мировую войну и падение башен-близнецов. В этом случае лучше не высовываться. Не лезть на рожон.

Около двадцати лет назад был создан "Трон". В этом фильме программист, которого играет Джефф Бриджес, становится частью компьютерной игры, которую он пишет.

Историческая симуляция — это уже не игрушки типа "Цивилизации". И "там, наверху", вряд ли придут в восторг, если кто-то попытается вставить свои пять копеек в их серьезную научную работу.

Не стоит также распространяться на каждом углу о том, что знаешь, как на самом деле обстоит с действительностью. То есть как на самом деле устроен мир. Чем больше людей это поймут, тем больше вероятность возникновения ситуации, которую экспериментаторы сочтут противоестественной. А тогда они, чего доброго, прибегнут к ресету — и без сэйва. Или, не долго думая, просто выдернут шнур из розетки.

Может также статься, что у детей и в будущем проблемы с укладыванием в кроватку. И что мы, то есть наш симулируемый мир, — всего-навсего крупномасштабная сказочка. На сон грядущий.

Или такой вот вариант: все будущее человечество, забросив дела, дружно сидит перед телевизором и наслаждается программой под условным названием "Big Brother — The battle on earth". Эдакий эквивалент компьютерного "за стеклом".

Кстати, у этого не прижившегося у нас телепроекта есть западный прародитель, между прочим, процветающий на европейских телеэкранах уже несколько лет, — "Большой Брат". Название взято из знаменитого романа Дж. Оруэлла "1984". Большой Брат, который следит за всем и видит все. Короче, наш мир — дом Большого Брата, а мы — действующие лица. Так что остаются лишь попытки понравиться зрителям. Если покажешься достаточно забавным, тебе позволят оставаться в "шоу" и дальше, не вытрут безо всякой жалости. Добавит шансов умение валять дурака и привычка тереться среди знаменитостей — на них ведь смотрят все. Короче, старайся быть в центре внимания.

Бустром считает, что это уж слишком. Его совет: не делать балагана из собственной жизни. Нет смысла. Сохраняйте спокойствие и живите себе, как и раньше.

Точно так же считает и Карел ван дер Лееу, доцент философии из университета Амстердама. "Посмотрите, в книгах и фильмах ключевой момент наступает тогда, когда в симуляцию закрадывается ошибка. Тогда люди восстают, и начинаются захватывающие приключения. Но вопрос в том, произойдет ли это и у нас? А без ошибки нет и сюжета".

Кстати, ван дер Лееу сомневается, сможет ли компьютер вообще когда-нибудь полностью симулировать настоящего человека. Он считает, что Бустром и Дрекслер сильно переоценивают возможности электронной машинерии будущего. "Я вполне верю, что определенные умственные возможности можно имитировать. Но у людей не все ведь вращается вокруг одного только мозга. Очень важны также и органы чувств. И я спрашиваю себя: а можно ли и их симулировать, копировать, подделывать? Попробуй побеседовать с компьютером о вкусе клубники со сливками. Из этого вообще ничего не получится".

С использованием материалов нидерландской печати подготовила Нина СОКОЛОВА

ДИРЕКТОРАМ СТОИТ ПОDOOMАТЬ...

Во многих фирмах, ссылаясь на убытки, запрещают сотрудникам играть в офисе. Но вот ученые из университета Утрехта решили изучить воздействие компьютерных игр в рабочее время на 60 служащих голландской страховой компании.

Подопытных разбили на группы: одним разрешили в рабочее время играть в простейшие игры вроде пасьянса и "минера" — не более часа в день, но в любое время. Другим играть запретили вовсе. В итоге выяснилось, что игры повышают производительность труда. Поиграв, служащие действительно трудятся лучше и получают от работы большее удовлетворение.

Интересно, что, по словам руководителя группы исследователей, профессора Джеффри Голдштайна, компанию, которая согласилась бы на проведение "игрового" эксперимента, пришлось искать довольно долго.

КИБЕР-ПРЕСТУПНИКОВ — К ОТВЕТУ!

Соединенное Королевство стало второй державой в Европейском Союзе, объявившей спам незаконным: с декабря этого года спамерам присваивается статус киберпреступников.

Антиспамерские организации заявили, что новый закон совершенно неэффективен, поскольку большая часть спама, затапливающего ящики британских пользователей, приходит из-за рубежа, в особенности из США. В связи с этим британские законодатели предложили ввести практику экстрадиции иностранных спамеров, с тем, чтобы предавать их суду на территории Великобритании.

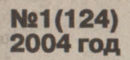
Предварительные переговоры с ФБР уже дали положительный результат: американские правоохранительные органы "не видят никаких проблем" и с радостью готовы выдавать спамеров, в первую очередь тех, кто помимо сомнительной рекламы рассылает всякую гадость типа троянцев и вирусов.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Уважаемые авторы "Интересной газеты"! Вместе с материалами просим высылать также копию справки с вашим идентификационным кодом, на которой указать паспортные данные и адрес прописки. Начисление и выплата гонорара без данной справки невозможны.

Редакция "Интересной газеты" просит всех авторов, чьи материалы были опубликованы в нашей газете в 2003 году, выслать ксерокопию своего идентификационного кода.

Редколлегия "ИГ"

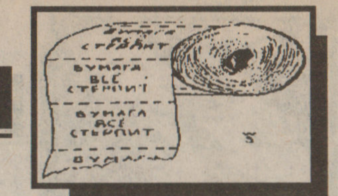

...И белый северонг

Вперед. Вверх. Вниз.
Ступени. Арки. Переходы.
Идти. Бежать...
Сверкает. Падает. Ловлю.
Капля. Впитывается в ладонь. Кожа слегка блестит. Я улыбаюсь. Я и раньше улыбался. Просто не знал, что это.
И снова иду...
Вокруг многомерное "ничто". Без края. Только лестницы — летят, кружатся в плавном танце. Или падают бесконечно медленно. И почти нет звуков. Нет начала и конца. А время измеряется пройденными ступенями.
Есть ли этому название?
Я не нашел еще.
Возможно, я жил здесь всегда. Или попал сюда недавно. Насильно или добровольно. Но откуда? Для чего?
Нет ответа. И, возможно, не будет.
Таких, как я, много. Мы пленники ступеней и арок. Мы видим друг друга. Наблюдаем. Но не общаемся. Жадничаем. Не хотим терять добытое. Мы собираем, впитываем, храним. Не делимся. Не обмениваемся...
Наше сокровище — капли цвета латуни. Тягучие, переливающиеся. Падают сверху. Капли–слова. Капли–чувства. На вид одинаковые, но никогда не знаешь, что внутри. Можно поймать что-то теплое, нежное, светлое. А можно — обжигающе-колкое. Такое, что сердце заходится: "ну зачем!?" И боязно вслушаться в пойманный блеск. Больно осмыслить до конца. Но намного больнее упустить каплю, сверкающую обманным теплом.
Может, знали мы когда-то все слова, а потом забыли? Или наши разумы чисты, и надо учиться заново?
А если капля — только толчок, чтобы мы придумали нужное и верили, одурманенные дорогой и ступенями, будто нашей заслуги нет, а все падает в души готовым?
Может быть, и так.
Кажется, существуешь, чтобы собирать латунные дождинки. Ради них бежишь. Рискуешь. Прыгаешь. Балансируешь. Замираешь на краю. Тянешься в пустоту. Падаешь в бездонное "ничто".
На месте стоять нельзя.
Движение — жизнь. Статика... Что? НЕжизнь?
Задумываюсь. Вспоминаю. Не нахожу подходящего. Хочу придумать что-то новое, хорошее... не выходит. Если есть жизнь, что ей противостоит?
Не знаю.
Но чувствую: в каждой обжигающей ладонь капле есть частица НЕжизни. НЕдвижения.
Некоторые слова — пусты. Почти. Я придумываю им смысл. Представляю. Как умею. Как хочу. Мне такие попадались лишь трижды. И очень давно.
Но одну каплю я вспоминаю каждый день.
Она лежала на ладони, разбрасывая льдистые блики. Не латунь. Серебро. Почти иней. Не желала впитываться. Мне пришлось втирать ее в кожу. Иначе не понять, не почувствовать смысл.
И не верилось: серебряная добыча — лишь оболочка слова.
СЕВЕРОНГ
И больше ничего. Ни кипения в душе, ни ужаса, ни учащенного сердцебиения...
Мне решать, чем заполнить пойманную пустоту.
И я решил.
Пусть это будет чудо.
Волшебство.
Я собрал воедино все, что знал. Вынул из души тоску, надежду, волнение и ликование. Перемешал. И вдохнул в трепетное серебро...
...и почувствовал, как белый северонг мчится между небом и землей. В его гриве рождается ветер. Крылья сверкают ярче звезд. Тонкий рог вспарывает облака.
Может быть, северонг — другой. Но не теперь.
Я почти вижу его и не позволю стать чем-то иным.
Пусть остается таким — там, где есть Рассвет, Солнце, Радость, Дождь, Полет, Ковыль, Песня, Море, Нежность, Яблоки, Музыка, Ручей... Разве перечислить все? Мне хватит слов, чтобы построить целый мир. А если не хватит — поймаю еще латунных капель. Они часто падают. И даже вселенную придумать просто, когда есть нужное.
Белому северонгу будет хорошо среди собранных мною слов...
...Золотистый дождь обрушивается на соседнюю лестницу. Мне далеко. Не добраться. А кто-то другой пытается. Рискует. Прыгает. Балансирует на краю... Падает. И шлейф латунный, сотканный криком, тянется вслед. Льется вниз. Застывает. Замерзает...
А мы стоим на лестницах и провожаем его взглядами. Молчим. Только плотнее сжимаем губы. Боимся терять слова. Они нужны нам, чтобы строить. Что-то свое.
Каждый верит: уж ему-то удастся завершить.
И тогда...
...дорога окончится у двери. Самой обычной на вид. Но за ней будет ждать МИР, составленный из пойманных капель.
Все мы — идущие по ступеням — знаем это. Но не говорим. В молчании больше слов. Оно богаче.
Я тоже знаю, что ждет в конце пути. И потому снова иду.
Вперед. Вверх. Вниз...
Ступени, арки... бесконечные переходы.
Иногда лестницы оказываются близко. И тогда можно рассмотреть лица других людей.
Однажды я увидел Девушку в синем платье. Совсем рядом. Можно было перескочить на ее лестницу. И оказаться в полушаге. Прикоснуться. Почувствовать тепло. Но я не решился.
Мы только смотрели друг на друга. Улыбались. Молчали. А после разошлись: у каждого свой путь.
Но с тех пор я часто оглядываюсь — смотрю, не мелькнет ли синее платье? Иногда мне везет, и удается заметить Девушку вдалеке. Как-то раз я махнул ей рукой. И она — в ответ. Но наши пути больше не пересекались.
Когда-нибудь мне снова выпадет дождинка с холодным блеском. Тогда я подарю серебряной капле Ее облик. И поселю Девушку в своем мире. В том, что соткан из собранных слов. Это просто. Кину щедрой горстью холмы — пусть не будет горизонт ровной линией. Каплю синего — станет небо в тон Ее платью. Постелю долину под ноги. Выбью ручей певучим узором. И выпущу гулять буйногривые облака.
А когда придет вечер, наше с Ней молчание будет лучше бесед. Пусть говорит мир. Тем, что живет...
Позже синее сменится черно-звездным. А между небом и землей промчится белый северонг. Укроет мир своими крыльями. Убаюкает холмы, долину, облака. И нас двоих...
Поймать бы мне серебряную каплю! Всего одну!..
Оглядываюсь вокруг, смотрю вверх. Но нет заветного блеска. И Девушки в синем платье не видно. Куда увели ее лестницы?
Вверх. Или вниз.
Стремиться. Надеяться. Собирать. Хранить...
Прохожу под аркой. Перепрыгиваю на широкую площадку. Оставляю позади ступени. Иду. Бегу. Останавливаюсь... Передо мной узкая полоска перехода. Не видно ему конца. И слева, и справа — пропасть. Бездна. Бесконечность. Можно вернуться, поискать другой путь. Но я не люблю отступать.
Вперед.
Только бы НЕ вниз.
Тут не больше сотни шагов.
А вокруг безмолвное "ничто" да лестницы. И десятки взглядов подгоняют меня. Или тормозят. Толкают. Оступлюсь — упаду. И оставлю только крик и латунный шлейф.
Жгучие капли забеспокоились. Мечутся во мне. И осколки НЕжизни предвкушают, ждут освобождения. Но не стоит думать о них. Нужно идти. Просто идти.
ВПЕРЕД...
Все переходы сменяются лестницами. Этот — не исключение. Он остался за спиной. И огорчены те, кто ждал падения.
Теперь можно вверх. Гладкие прохладные ступени успокаивают. И сердце уже не грохочет. Стучит. Не заглушает мягкий звон латунной капели.
И когда появляется ОНА, я не удивляюсь.
Да, такой и должна быть МОЯ дверь. Чуть теплое дерево слегка пахнет лаком. Гладкая металлическая ручка — ни резьбы, ни узоров. Все просто. Отворится — и каждая пойманная мною капля–слово обретет плоть и безвозвратное толкование. Меня ждет мир. Живой? Осязаемый. Настоящий.
Дрожащие пальцы предчувствуют прикосновение к заветному. Остается повернуть ручку...
...Здесь все, как я хотел.
Над головой — васильковая неисчерпаемость. С деревьев осыпаются нежные лепестки, красят ветер лиловым и бордовым. Травы тянутся к ласковому золоту солнца. Горизонт — мягкими волнами холмов. И ручей, птицы, цветы... И тысячи звуков сплетаются в песню. Гармония НЕтишины. Я и не думал, что в ней столько радости.
А между землей и небом мчится северонг. Крылья сверкают, словно сотканы из лунных лучей. Снежная грива, тонкий рог с жемчужным отблеском. Волшебный зверь летит мне навстречу. И я чувствую его ликование.
А слова — те, которые я не решался осознать до конца, бьются в истерике, стучатся в границы разума, сотрясают. И оживают.
Они рвутся из меня — хищными пулями, алчными молниями. Беспощадные. Безостановочные...
Испепеляют.
Рвут.
Терзают...
И падает к моим ногам северонг. Не белый. Бескрылый. Темнеет под ним земля.
Опаленные остовы деревьев дарят ветру пепел и сажу.
А привычное беззвучие кажется чужим. Заполняет все вокруг. Затапливает.
Лишь высохшая трава мертвенно шуршит.
И латунная капля срывается с моих пальцев.
Застывает прощальным блеском в тускнеющих глазах северонга.
Боль...
только боль...
вот какая ты
цвета ало-угольного
кромешного
непробудного...
Не хочу так. НЕ ХОЧУ!!!
БЕГУ
Назад.
Подальше от входа в мой мир. Между нами — ступенька. Две. Три. Десять...
И дверь обретает новую сущность. Латунную. И плавится... Сверкающие ручейки бегут по ступеням — вниз. Капли срываются в пустоту. Уносятся, блестят теплыми слезами. Оплакивают моего северонга...
Может, все капли-слова достаются нам, когда исчезает созданный мир? Они падают откуда-то сверху. Там тоже сотни, тысячи лестниц. И тех, кто идет по ним, не счесть. А сколько человек закрывает свою дверь, чтобы навсегда потерять обретенное? Кто-то сразу. А кто-то, может, через много дней...
Я не знаю, много ли слов я утратил. Но моя серебряная капля осталась со мной.
И мне кажется: раньше все слова были холодными. Пустыми оболочками. А потом, постепенно, мы наполняли их смыслом. Как я — северонга. Нас много. И капель НЕлатунных почти не осталось. Слова становились чем-то нам угодным. А серебро обретало частицу нашей души. И блеск с теплинкой...
Мы строили миры, входили в двери — и... все повторялось. Снова лился сверкающий дождь. Идущие по лестницам ловили его, собирали капли. Чувствовали их по-своему. Складывали новые миры. Открывали двери... Убегали прочь...
И блестящие ручейки роняли слезы по несбывшемуся, скатывались в бездонное "ничто".
Вниз. Только вниз.
Им — падать. В подставленные руки. Надеяться на возрождение.
Нам — идти. Бежать. Принимать латунный дар.
Но кто-то же придумал им, первым серебряным каплям, обжигающий сердце смысл. Кто? Может, он и сейчас где-то там, наверху? На тех лестницах, до которых миллионы шагов...
...Я знаю, что противостоит жизни. Я понял сам. Почувствовал. Но не произнесу это слово. Пусть оно останется во мне. Несуществующим. Пусть. Хотя бы для моего нового мира. Когда-нибудь я дойду до него. Увижу дверь. Простую, неприметную. Без узоров и украшений... И все чудесное окажется за ней.
Долина. Ветер. Облака.
И белый северонг...
Он никогда не станет алым.

Элиша **ВИШНЕВСКАЯ**

Двери в сказку

Елизавета Дворецкая "Стоячие камни"

Нам всем нужна сказка. Такая, в которую можно поверить. Такая, в которой можно даже немножечко пожить. Для этого она должна быть правдивой и настоящей. А еще нужно, чтоб в ней пожить захотелось. А для этого она должна быть красивой и захватывающей. Именно такую сказку рассказывает нам Елизавета Дворецкая в первой книге эпопеи "Корабль во фьорде".

Это сказка о большой и чистой любви – о любви, которая ведет и спасает. Об обжигающей и тоже чистой ненависти – такой, которая связывает крепче любви. О родстве и дружбе, о политике, о войне и древнем знании. Живописные детали из жизни конунгов, ярлов и простых воинов, а также их семейств убеждают – именно так оно и есть на самом деле. Чудеса, с которыми сталкиваются герои, завораживают, а порой пугают. Сам великий Один спускается из Асгарда, чтобы вручить волшебное копье храброму и мудрому. Чудовищный горный великан влюбляется в девушку–колдунью. Да и сами девушки в этой сказке...

Впрочем, зачем лишние слова? Откройте книгу — и она, словно Стоячие камни, перенесет вас в удивительный мир, в котором пожить — хочется.

Марина ЛЕС

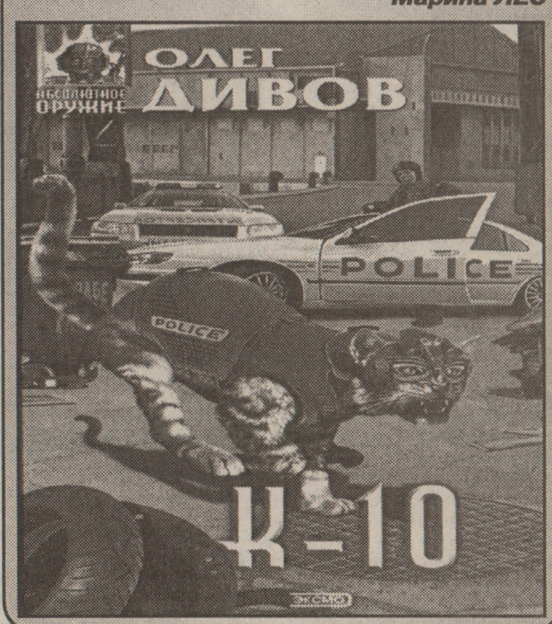
Долгая вахта

Олег Дивов "К–10"

Московский писатель Олег Дивов свое творчество называет "оборонной фантастикой". Дескать, пишет он о том, от чего людям обороняться надо, а именно — от себя самих, от того, что внутри сидит и для самого человека и окружающих опасность представляет. А еще уверяет, что все его произведения — это производственные драмы. Тоже правда, если разобраться. Вечно Дивов описывает нелегкие трудовые будни и регулярно случающиеся авралы. В трилогии "След зомби" — тяжкий труд экстрасенсов, истребителей всяческой нечисти и психотронщиков. В "Лучшем экипаже Солнечной" — службу простых военных звездолетчиков. В "Выбраковке" — ежедневные мероприятия по очистке общества от тех, кто всем жить мешает. В "Толковании сновидений" — нервную жизнь лыжника–экстремала. В "Саботажнике" — рутинную службу капеллана на чужой планете. А в "Законе фронтира" — просто необходимые действия для выживания в жутко изменившемся мире.

Ну что ж, "К–10", ставшая вопреки надеждам автора не десятой, а таки девятой его книгой, — это еще несколько производственных драм: из жизни работников секретного института, ассенизаторов, космонавтов, взломщиков и простых спасителей человечества. Да, большинство включенных в книгу рассказов поклонники писателя уже читали в журналах и сборниках, — но, уверена, они все равно обрадуются возможности получить их все скопом, да еще с комментариями автора.

Марина ЛЕС

Инициатива наказуема

"Псы любви", сборник рассказов

Нет, то есть задумывалось и начиналось все просто замечательно.

Вадим Нестеров несколько лет назад придумал конкурс "Рваная грелка" и прошлой осенью провел его в очередной, четвертый раз. По условиям известный писатель задает тему, и участники в жестко ограниченные сроки пишут по ней рассказ, а потом читают произведения друг друга, оценивают и выбирают победителей. Отлично! Конкурс давно пользуется заслуженной популярностью, испытать свои силы в нем рискуют никому не известные новички, на спринтерскую "беговую дорожку" не гнушаются становиться маститые писатели...

Ник Перумов предложил для конкурса отличную тему: испытание на способность любить и последствия этого испытания. Великолепно! Любовь — тема вечная, каждый готов высказаться по такому глобальному поводу. Хороших рассказов в итоге получилось немало, что и привело к следующему проявлению инициативы.

Сергей Лукьяненко взялся составить сборник и предложить его издательству АСТ. Куда уж лучше! Молодые талантливые авторы получат возможность заявить о себе, читателю будет предложена подборка совершенно разных, друг на друга не похожих, но в большинстве своем отлично написанных рассказов...

Издательство АСТ выпустило сборник! Тут бы уж всем просто петь, гулять и веселиться под ореховым кустом, но...

Но тут–то и становится ясно — инициатива наказуема. Потому что на полках книжных магазинов сборник появился с именем Перумова на обложке: "Ник Перумов. Псы любви". Набранные гораздо более мелким шрифтом слова "Тема" и "Реализация" ничего покупателю не объясняют, а обилие других, в том числе и весьма известных, фамилий путаницу только усугубляет.

Итог: Ник Перумов обижен незаконным использованием его фамилии, издательство "Эксмо", с которым у Перумова заключен эксклюзивный договор, обижено "покушением" на "своего" автора, участники конкурса обижены тем, что оказались втянуты в некрасивую историю, и открытием, что печатающее их издательство считает своих авторов недостаточно авторитетными, читатель обижен отсутствием под обложкой громко обещанного Перумова...

А самое обидное — рассказы–то в большинстве своем просто отличные! Зачем же понадобилось столько народу обманывать и обижать?

Роман КАРАКОЗ

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ФЭН–КРОССВОРДА "ОДНИМ СЛОВОМ", ОПУБЛИКОВАННОГО В ПРЕДЫДУЩЕМ НОМЕРЕ

1. "Картежник". 2. "Саботажник". 3. "Город". 4. "Пещера". 5. "Коммутация". 6. "Преступившие". 7. "Солярис". 8. "Богадельня". 9. "Спектр". 10. "Магацитлы". 11. "Скрут". 12. "Гиперион". 13. "Ола". 14. "Харизма". 15. "Ксеноцид".

В кроссворде было спрятано название романа А.Н.Толстого. Его написанным недавно продолжением является роман В.Головачева "Магацитлы". Правильно ответить на вопросы сумели шесть читателей. А победителем этого конкурса стал Игорь Гивольчук из Луцка. Ему будет выслана книга Н. Геймана "Американские боги".

Поздравляем!

Матричная эволюция

*Мятеж не может
кончиться удачей —
В противном случае
зовут его иначе.*

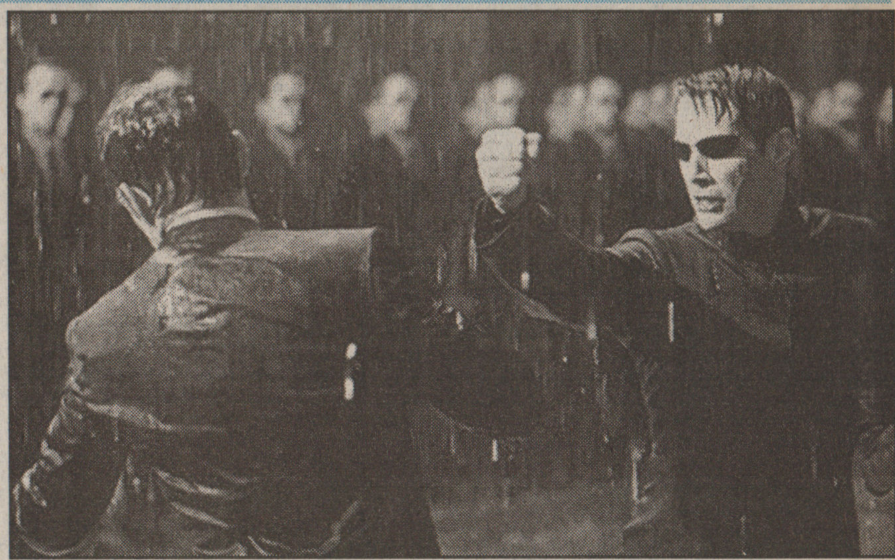
Наслушавшись негативных откликов и начитавшись разгромных рецензий на третью "Матрицу", разочарованная второй частью донельзя, я собиралась начать свою статью именно с этого ядовитого стишка. Дескать, нечего называть "Революцией" банальный мятеж, за которым, как обычно, не стоит ничего, кроме экономических интересов, а проще говоря — желания срубить бабки.

Яд не пригодился. "Матрица" закончилась вполне удачно, несмотря на любимые авторами многозначительные фразочки. "Есть вещи, которые никогда не меняются... А есть вещи, которые меняются... А есть вещи, которые не меняются, но становятся другими..." Звучат они совершенно бессмысленно, но мы попробуем и их пустить в дело.

Есть вещи, которые никогда не меняются

Например, качество спецэффектов. Первая "Матрица" произвела революцию в мире полетов, переходов из мира в мир, перестрелок, драк и погонь. Вторую только за полеты, переходы, драки–перестрелки и хвалили...

"Революция" в этом плане тоже не подкачала. Пускай даже в угоду красоте картинки и напряженности сцен создатели фильма жертвуют элементарной логикой и здравым смыслом — например, усаживая защитников Зиона в совершенно монстрические, из компьютерных игрушек позаимствованные ходячие кресла, — и совершенно не заботясь о том, чтобы прикрыть оператора хоть решеткой, если уж не броней. Или, скажем, расставляя тех же защитников по кругу — очевидно, для того, чтобы удобнее друг друга перестрелять, когда атакующие кальмары снизятся. Смотрится все равно впечатляюще! А логику им позволено иметь нечеловеческую, о чем мы поговорим чуть позже.

Есть вещи, которые меняются

Например, актеры. Умершую Глорию Фостер в роли Прорицательницы заменила другая актриса. Но, собственно, почему действительно программа не может потерять свою внешность и обзавестись другой? Логика Матрицы это вполне допускает, и причины для саркастических комментариев я лично тут не вижу.

Меняется количество агентов Смитов. Уже в "Перезагрузке" немаленькое, в "Революции" оно становится просто ошеломляющим и переходит в качество — программа проникает в реальный мир.

Меняются способности Нео. Впрочем, тут ничего странного нет — Избранному положено...

Меняются наши представления о мире. Поклонники первого фильма наверняка будут разочарованы — Матрица управляет не нами. То, что мы видим в Зионе и в Городе машин, настолько непохоже на изобретенные человеком механизмы, что вывод напрашивается только один. Никакие машины не могут так эволюционировать ни за сто лет, ни за двести из того, что мы имеем сегодня. Это плоды совершенно другой цивилизации, совершенно другой логики, а значит, к существующей реальности Матрица отношения все же не имеет — только прокручивает "людям–батарейкам" фильмы из нашей жизни.

Есть вещи, которые не меняются, но становятся другими

С самого первого фильма терзали меня сомнения. Ну хорошо, Нео победит (а тогда ведь даже казалось — победил) агента Смита, люди уничтожат Матрицу — и что? Откажутся от своих "матричных" сверхспособностей и останутся прозябать в пещерах? Разбудят миллиарды "батареек" и будут с ними возиться? Полезут на загаженную поверхность, под убитое небо жить–поживать? Для чего вообще вся эта возня?

В "Перезагрузке" Архитектор объяснил, для чего вся эта борьба нужна ему: очаг нестабильности необходим, но он должен находиться под контролем, и после прихода Избранного, который выведет несколько человек ("на расплод"), Зион следует уничтожить. И пускай людишки его снова восстанавливают до следующего Пришествия.

Прорицательница объяснила, чего добивается главная программа — Меровингер: тот, у кого есть власть, хочет еще большей власти.

Но чего в конечном итоге добиваются "проснувшиеся"? И в чем видят их задачу истинные Творцы этого мира — братья Вачовски?

Оказывается, зионцы хотят того же, что и все нормальные люди, — покоя. Передышки в войне с машинами. Даже железному Морфеусу этого достаточно — чтоб наконец перестали стрелять и можно было обнять любимую женщину.

А Нео, как и все ненормальные, сражается за идеалы. Он не хочет, чтобы все на Земле (пускай и нереальной, "матричной") стали одинаковыми. Его не сковывают физические законы, его не заботит собственная жизнь, ему уже даже не надо спасать свою любовь — а он все равно дерется со Смитом, чтобы мир был разным и каждый имел право на собственные глупости...

Итак, все встало на свои места. Революция пожирает своих детей. Избранный взят на машинное "небо", под небом хоть и не голубым, но настоящим. Тринити погибла. Смит повержен.

Машины по–прежнему питаются от людей. Матрица осталась. Зион уцелел. А Прорицательница пророчит, что и это пройдет...

По–моему, это и есть та вещь, которая не меняется, но становится другой.

Марина ЛЕС

Z-13
№1(124)
2004 год

Я и моя тварь

Кто сказал, будто ночь — черная? Фиолетовая она. И звезды — белой россыпью. И снег — синим отливом. И фонари... впрочем, нет. Я гуляю там, куда не заглядывают желтые глаза фонарей.

Ночь. Поздняя. Около часа назад я сошла с последнего поезда на станции метро "Лесная". Я не слишком хорошо знаю этот район, даром что верчусь здесь уже больше трех месяцев. Нужные места и люди найдены... остальное неважно. Вообще, не люблю дважды появляться где-либо.

Мне здесь нравится. Нет, вру... мне совершенно не нравятся эти заплеванные, узкие проходы между опустевшими ларьками. Мне отвратительны маячащие рядом громады многоэтажек-близнецов с одинокими высверками окон: кто-то полуночничает. Со стороны похоже на несколько уцелевших желтых зубов в пасти неведомого монстра. А еще мне очень холодно в кожаной куртке и вязаной шапочке. Я вообще мерзлячка... И сама себе я омерзительна — дальше некуда.

Терплю. Кусаю дрожащую от холода нижнюю губу. Прячу руки в карманы. Хорош дурью маяться, подруга. Место самое что ни на есть подходящее. С осени выбирала. Охрана рынка сейчас из караулки носа не высунет: все нормально. Другой вопрос, что мне утром на работу идти: еще одной бессонной ночи я просто не выдержу. Куда запропастились эти скоты?

Уфф... порядок. Идут. Четверо. Счастье-то какое привалило! Шутят, смеются. Пьяные-распьяные. И, судя по немногим осмысленным репликам, ищут приключений. Пора, что ли...

Я вышла из-за ларька. Втянула голову в плечи и быстрым шагом, почти бегом, рванула навстречу подгулявшей компании.

С некоторых пор меня занимает вопрос: а что будет, если когда-нибудь никто не попытается меня остановить? Вот возьмут и пропустят. Не заметят просто-напросто. Что я тогда стану делать?

Пока я с подобным благородством натуры не сталкивалась. Звери — они звери и есть. Даже если люди.

Два красавчика сделали мне непристойные предложения, один обормот схватил за руку. Резко рванувшись, я освободилась. Бежать? А что, и побегу. Но не сразу. Вначале нужно завопить: "Ах ты, гад!" — и влепить пощечину высокому. Он у них вожак стаи.

Все. Теперь они, отчаянно матерясь, помчатся за мною хоть на край света. Но зачем так далеко? За парочкой поворотов имеется вполне приличный тупичок. Стройка какая-то. Высокий забор — днем он был ярко-зеленого цвета, а сейчас грязно-серый. Такие вот шуточки откалывает леди-ночь...

С прибытием, граждане! Это хорошо, что вы пьяные. Что у вас мозги в отключке. Трезвые, от моей улыбочки вы бы с ходу развернулись и бросились куда подальше. На тот самый край света...

В груди всколыхнулась знакомая боль — горели, полыхали синим пламенем все мои мосты, сколоченные из заученных с детства понятий: сдержанность, человечность, цивилизованность... Тварь выбиралась наружу. Я уходила в тень.

Когда-нибудь я совсем растворюсь. Исчезну... Черта с два! Тварь этого не допустит. Мы с ней, по понятным причинам, общаемся мало, но одно я усвоила: здесь, в нашем мире, ей нужно прикрытие. Нужна... я.

Мои преследователи что-то орали, куртки и дубленки летели на припорошенную снегом промерзшую землю... Я-Тварь молчала и улыбалась. Говорить с этими? Помилуйте, о чем? Они уже мертвы: с мертвецами не разговаривают. Возможно, их едят... не знаю. В таких вопросах Тварь не особо со мною откровенничает.

А вместе с тем я испытывала к этим мужчинам странную, извращенную благодарность. Да что там — я их почти любила! Они дали мне возможность еще раз вырваться из тесных рамок будничной лжи — лжи о скромной операционистке, невзрачной личности с губками, сложенными в вымученное подобие улыбки... Обо МНЕ?!!

Что было дальше — не помню. Как всегда. Возможно, Тварь милосердно охраняет мой мозг от перегрузок... или просто не хочет ни с кем делиться даже каплей наслаждения.

Мое следующее воспоминание: тот же тупичок. Никого. И ничего. И снега нет. Голая земля. Ни травинки. Ни камушка. А с забора в некоторых местах содрана краска.

Вот возле этого забора мой желудок и вывернул на черную землю остатки обеда. Ужинать я сегодня не стала: научена уже горьким опытом.

Отдышалась. Еще раз хмуро огляделась по сторонам. Побрела прочь. Если повезет — поймаю шальное такси или частника. Нет — к рассвету дотопаю домой.

Ладно, хорош распускать нюни. Их было четверо. Этого Твари хватит почти на год. Только подумай — десять месяцев спокойно спать, не выслеживать очередное хулиганье, не убивать... Перестань трястись, кому сказано!

Среди моих жертв нет святых и невинных. Хоть это я выторговать смогла. Сама знаю, что оправдание слабенькое. И просто отвратительно звучит. Но лучше, чем вообще никакого.

Покончить с собой? Пробовала, а как же. Пыталась броситься на рельсы метро, перерезать вены, отравиться... Не смогла. Тварь бдит... чем бы она ни являлась. Да и самой, если честно, жить охота. Даже вот такой.

Впереди замаячили два желтых пятна. Я подняла руку...

Валерия МАЛАХОВА

УТОЧНЕНИЕ

"Уважаемая редакция!

Целиком разделяя основные положения опубликованного вами доклада Ф.Березина, считаю, тем не менее, необходимым не согласиться с одной из частностей, заодно разрушив устоявшееся у нас мнение о том, что ни один из фантастов не смог предвидеть мирный развал СССР и крушение власти компартии. Такой фантаст был — это Пол Андерсон. Речь идет об опубликованном в 1968 году рассказе "The Last of Deliverers", известные мне русские переводы: "Последний из освободителей" (пер. Л.Забродина, в кн.: П.Андерсон "Сатанинские игры", М., Фея, 1991), "Последние из могикан" (пер.В.Маркин, Вл.Романов, в кн.: П.Андерсон, Г.Диксон "Кокон", СПб, Васильевский остров, 1993).

Любой заинтересованный может проверить мое утверждение. Кстати, Пол Андерсон в одном из своих романов ("Настанет время", 1972 г., пер. Л.Довлатов, в кн.: П.Андерсон "Боевая машина времени", М., Крим-пресс, 1992) упомянул о необходимости самоопределения для Украины (см. гл.3).

С уважением Виктор ТОКАРЕВ, г.Керчь

***

Благодарим Виктора Токарева за уточнение, за неравнодушие к газете и любовь к фантастике.

Редакция

ЗА ЧТО ВЫ, МАЛЬЧИКИ, ЖИВЫХ НЕ ЛЮБИТЕ?

С 18 октября по 11 ноября в Лондоне, в галерее "Waterman" прошла выставка под названием "Совершенно реальные: женщины в битах и байтах". Организатором мероприятия стало издательство "TASCHEN", специализирующееся на выпуске альбомов и книг по искусству. Недавно оно представило книгу "Цифровые красотки" ("Digital Beauties").

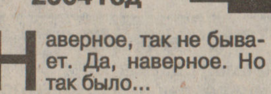
Посетители могли не только полюбоваться смоделированными в недрах мощных компьютеров 3D-красотками, но и попытаться создать женщину своей мечты самостоятельно.

А в начале ноября в Италии стартовал первый международный конкурс красоты среди 3D-женщин "Miss Digital World". Программисты, аниматоры и рекламные агентства со всего мира представляют созданных на компьютере виртуальных красоток.

"У каждой эпохи есть свой идеал красоты. Во все времена люди создавали визуальное воплощение этого идеала от Венеры Милосской в Древней Греции до Мэрилин Монро в 1960-х, — говорит организатор конкурса Франц Серами. — "Мисс Цифровой Мир" — это поиск современного идеала красоты через мир виртуальный".

Цифровой королеве красоты, как надеются организаторы, достанутся главные роли в видеоиграх, фильмах и рекламе.

Отражение

Наверное, так не бывает. Да, наверное. Но так было...

Была ночь — страшная, заплаканная ноябрьская ночь, льющая отраву тоски в слякоть промозглых улиц. И качался висельником ржавый фонарь, и ветер стучал по стеклу корявыми пальцами веток, царапался в окно, воя от безысходности и отчаянья.

В ту ночь я разбил гитару. С размаху, с каким-то мазохистским наслаждением я ударил ее об угол стены и долго топтал обломки, превращая в щепу, в пыль, в жалкую кучку дерева и искалеченного металла. И только потом заметил кровь на руках. Ты, проклятое порождение ада и испанских мастеров, ты способна еще услышать меня? Я убил тебя и безумно счастлив почувствовать себя убийцей! Можешь понять — счастлив! Ты слишком долго пила мою душу — по капле, смакуя каждый порыв и каждую судорогу боли, ты заставляла меня тянуться к несбыточному, терзала музыкой, мечтающей родиться... Хватит.

Все. Я устал. Я больше не могу так. ХОЧУ ЖИТЬ КАК ВСЕ!!! Не корчиться по ночам, агонизируя в пытке творения. Не сбивать до кровавых мозолей пальцы о шершавость твоих теплых струн. Наконец завести нормальную работу, нормальную семью, даже нормальную любовницу — почему бы и нет? Лениво просматривать газетку перед сном и беззлобно переругиваться с женой. Растить детей. Ходить на концерты — чужие! Просто жить, не мучая себя пустыми сомнениями. Отныне будет так. Аминь.

Яркий свет, отразившись от кафеля ванной, больно резанул по глазам. Черт, кровищи-то накапал... а нечего было руки подставлять. Знаете, как зло и больно может хлестнуть лопнувшая струна? Не знаете? Ваше счастье. Я торопливо полез в аптечку, стараясь не заляпать развешенное на веревке белье, и тут... Тут меня пробрало ознобом. Взгляд. Чей-то взгляд, тяжелый и требовательный, — он уперся мне в спину, будто острие ножа. Гул крови в ушах... Обернуться... Как же невыносимо трудно обернуться. Кто здесь?

Я ожидал чего угодно, но действительность была проста. Зеркало. Всего лишь зеркало — и мое отражение в нем. Расхохотавшись, я сполз по стене, уже не заботясь о чистоте кафеля и одежды. Боже мой, рассказать кому — не поверят! Испугался собственного отражения... куска стекла и амальгамы! Нет, действительно пора приводить себя в норму.

Я все еще смеялся, поднимаясь с пола, когда какая-то неправильность — крошечная, совсем пустяковая (не надо ее замечать, слышишь, не надо!) — беспокойной соринкой попала мне в глаза. Мое отражение... нет, не может быть... Оно не смеялось! Строго и укоризненно оно смотрело на меня из холодной глубины, словно обретя собственное сознание и жизнь. И под этим взглядом я невольно поежился... Так трудно бывает смотреть в глаза ребенку, которого ты незаслуженно обидел и теперь сам не знаешь, как загладить вину. А мой двойник, мое зеркальное "я", вдруг шевельнулся, и почти неслышный шепот сквозняком пронесся у меня в голове: "Зачем?"

Я оторопело поглядел на него:

— Что — зачем?

"Зачем предаешь себя? Мы не сможем жить в тишине".

Было что-то невыразимо печальное в этом бесплотном шепоте, та самая глухая тоска смертельно обиженного ребенка.

— Не сможем? Жить в тишине? — Так, кажется, я все-таки спятил. — Слушай, ты вообще кто? Глюк?

Робкая, извиняющаяся улыбка: "Я — это ты. Я боюсь тишины, боюсь молчания — там, внутри. Не убивай музыку, не надо. Так нельзя".

Бред... Бред сивой кобылы. Совесть мне тут нашлась самозваная. Мутное, тяжелое бешенство поднималось откуда-то из живота.

— Замолкни! Какой-то выкидыш воображения будет мне указывать? Сгинь! Обойдусь без дурацких советов.

Медленный поворот головы, взгляд из зеркала — странный, будто оценивающий. И вдруг короткий кивок: "Ты все уже решил. Прости. Я больше не хочу быть тобой. Я ухожу".

— Да убирайся! Хоть на все четыре стороны! Больно нужен! И музыка мне твоя проклятая не нужна, слышишь? Не нужна-а!

Я даже не понимал, что кричу, заходясь животным воем.

"Как знаешь..." Пожав плечами, он тихо отступил в зеленоватую глубину.

А меня уже несло. И наплывала гудящая чернота, и трескалось со стеклянным звоном мое лицо, осыпаясь льдистыми зеркальными осколками...

Осколки потом пришлось собирать веником.

С тех пор я не видел своего отражения в зеркалах. Нет, лицо, волосы, руки — все это было на месте, но словно бы и не мое, словно оскал пустой маски глядел на меня, лишенный смысла и живого огня. Иногда я мучительно всматривался в него, пытаясь отыскать в зеркальной глубине призрак ушедшего двойника... но нет, он больше не появлялся. Пожалуй, что и к лучшему.

Прошло время. Жизнь как-то потихоньку наладилась, вошла в иную колею. Прекратились затяжные тусовки в продымленной комнате, поубавилось приятелей... Одни незаметно исчезли, растворились в сумраке промозглых улиц и квартир. Впрочем, туда им и дорога — они были такими же неудачниками, как прежний я, и уходили вместе с прежней жизнью. Другие, наоборот, одобрительно похлопывали по плечу: "Молодец, мужик. Наконец-то за ум взялся!" Не скажу, что это было мне неприятно. Я сменил работу и перестал считать копейки и дни до зарплаты, а начальство прочно прикрепило ко мне ярлычок "весьма перспективный молодой человек". Короче, дела мои пошли в гору, и все же...

Чего-то мне не хватало. Вечерами, когда цепкие сиюминутные проблемы тускнели, отползая во мглу за окном, я начинал бродить по квартире, бессмысленно перебирая вещи. Черт, неужели мой двойник был прав? Я словно лишился чего-то важного, какой-то крошечной, но необходимой частички души, и пустота ныла внутри, исходя тягучей мутной желчью. Мне было нечем заполнить ее. Я зябко грел руки у батарей, часами пялился в телевизор, тщась отвлечься, забыть, выбросить из головы обрывки ритмов и мелодий... Ничего не получалось. Они назойливо лезли в уши, просились наружу, вовне... они хотели родиться. А я хотел ТИШИНЫ. И наконец они покинули меня, ушли куда-то еще... А я остался просто жить. Мучительно зудели пальцы, отвыкшие от гитары.

Как-то незаметно пролетело несколько лет. Черт его знает, что нашло на меня в тот вечер, но я мерил шагами темные переулки, пока ноги не привели меня к какому-то ночному клубу. "Почему бы и нет?" — подумал я и толкнул тяжелую дверь.

Барная стойка, солидная кружка пива — что еще надо человеку для счастья? Я сидел, лениво потягивая янтарную жидкость, и разглядывал рисунки на стенах. Странное, однако, местечко. Дьявольские рожи, нарисованные светящейся краской, подростки в дурацких прикидах.... плевать. Мне было хорошо.

Какая-то суета в углу привлекла мое внимание. Ба, тут даже есть что-то вроде сцены? Похоже, я попал на концерт. Ну-ну, послушаем... Мне доставляло удовольствие ощущать свое превосходство над ребятами, что возились сейчас с клубками проводов и нервно поглядывали в зал. Для меня-то все это в прошлом, я вырос из этих игр, а они... они еще играют в детство. Я снисходительно усмехнулся. И тут один из них повернулся ко мне лицом.

Господи...

Это был он. Мой двойник. Мое отражение. Мое отвергнутое "я". Он отрастил себе гриву ниже плеч, научился носить джинсу и грубую кожу, он осунулся и отощал — и все-таки выжил. Выжил, хотя этот мир должен был сожрать его, перемолоть в жерновах всеобщего равнодушия, презрительно отрыгнув в итоге жалкую спившуюся тварь. Но вышло иначе...

Мой двойник выжил и стоял сейчас передо мной, щурясь в полутьму зала. Почему-то он ни капли не постарел, он был все так же беззастенчиво юн и открыт, а я... я люто завидовал ему и ненавидел, и молил всех богов, чтобы концерт провалился. Потому что это будет последним подтверждением моей правоты, последним аргументом в затянувшемся споре. Последним гвоздем, забитым в гроб меня-прежнего.

Наконец первый аккорд тяжело прокатился по залу... Нет, ТАКОГО я не писал никогда. Никогда не было во мне ни этой огненной ярости, ни столь злого, безудержного веселья. Никогда гитара не кричала в моих руках сорванным, почти человеческим голосом, выплескивая муку бессонных ночей. Моя музыка была нежна и прихотлива, его — неистова и проста. Ей невозможно было сопротивляться, она рушилась водопадом, заставляя вздрагивать и вжимать голову в плечи. Она... Нет, это невозможно описать.

Захваченный ритмом рокочущих басов, я все ближе подходил к низкой дощатой сцене. Почему-то мне очень важно было увидеть лицо моего двойника — именно сейчас, когда музыка безраздельно завладела им, обнажив самое сокровенное. Не знаю, что я надеялся в нем разглядеть. А он...

Он замер, пойманный в перекрестье прожекторных лучей, застыл, склонившись к гитаре, и только руки продолжали жить, нежно тревожа струны, уверенно и чутко лаская узкий гриф. Так прикасаются к любимой женщине, к мечте, к чуду... И гитара отвечала ему. Было странно, как в спокойном, несуетном движении пальцев рождалось безумное соло, взлетающее ввысь, выворачивающее душу наизнанку. "Оглянись, — беззвучно молил я его, — оглянись хоть на миг, заметь меня!" Нет, он не слышал. Или не хотел слышать.

Отпущенное время давно закончилось, но их вызывали вновь и вновь, зал бесновался, требуя продолжения. Они выходили... Я заметил, как один из охранников подошел к мужчине в строгом костюме — ого, неужели хозяин? — возбужденно заговорил, размахивая руками. Мужчина качнул головой: "Пусть играют..."

И они играли. Играли самозабвенно, неистово, растрачивая себя без остатка. Играли так, словно завтра им назначено умереть. А мне оставалось только завидовать. Я отказался от этого дара. Сам. Навсегда. И сейчас впервые осознал себя калекой.

Соло оборвалось последней высокой нотой, мой двойник тряхнул головой, оторвав взгляд от гитары, и я наконец-то увидел его глаза. Шальные, смеющиеся... В них не было больше ни горечи, ни сожаления. Он — мучительно раздирающий себя на части, щедро бросивший душу под ноги орущей толпе, — он был счастлив. По-настоящему. Без обмана.

Медленно, словно ступая по тонкому льду, я шагнул вперед...

Ирина ВИНОГРАДОВА

№1(124)
2004 год

Чем черт не шутит

Нечистый грациозно спрыгнул с подоконника, обвел заинтересованным взглядом всю нашу компанию и непринужденно уселся на кухонный стол, заложив ногу за ногу. Перед нашими носами мерно закачалось копыто. Некоторое время мы, как загипнотизированные, следили за этими покачиваниями в молчании — лишь Костик пробормотал еле слышно: "Нечистым задом — да на кухонный стол..." В конце концов черту, очевидно, прискучили наши обалдевшие рожи, и он начал разговор первым:

— Ну, знаю. С вами чего, знанием поделиться?

— Меньше знаешь — крепче спишь. — Судя по голосу, Костик до сих пор не вышел из транса.

— Нет проблем! — широко улыбнулся черт.

Его глаза, направленные на Костю, чуть сверкнули. Мы как по команде обернулись к брату и увидели, как он, расплывшись в улыбке, вдруг шмякнулся на пол и захрапел.

— Эй, прекрати! — закричал Иван. — Верни ему знания и разбуди!

— Чем расплачиваться придется — в курсе? — уточнил черт.

— Расплатимся, расплатимся, не переживай, — заверил Иван.

— Мне-то чего переживать? — удивился нечистый, снова сверкнул на Костю глазами, и тот с удивленным видом стал подниматься с пола.

— Чем дальше займемся? — поинтересовался наш визитер.

— Мальчишку верни к родителям, — распорядился Иван.

— И соседа моего сверху верните, — попросил я.

— И Мурку! — завопил Костя, до которого наконец дошло, чем мы тут занимаемся.

— И вообще сделай все как прежде, — подытожил Ваня.

— Айн момент, — черт хлопнул в ладоши.

С пола, потягиваясь, поднялась Мурка, принялась было вылизываться, но, почуяв нечистую силу, зашипела, выгнула спину, сделала несколько угрожающих прыжков боком, а потом сбежала из кухни.

На табуретке в углу невесть откуда материализовался мой сосед — в майке, спортивных штанах и домашних тапочках. Сидел, недоуменно хлопая глазами и подозрительно озираясь. Я втянул голову в плечи, понимая, что объясняться и доставлять пострадавшего домой придется мне. Впрочем, он сам виноват. Первый начал. Еще неизвестно, починил черт дырку в потолке или нам с соседом предстоит прелести ремонта. А совместный труд — он, как известно, сближает.

А вот мальчишка никуда не делся. Наоборот, рядом с ним появился мрачного вида дядька в непривычной одежде, которую мне почему-то хотелось назвать кафтаном. Дядька вырвал у пацана книгу и принялся на него орать — тоже непонятно, но уже не на латыни, — время от времени стукая неслуха тяжелым томом по голове. От ветхих страниц по кухне летела пыль.

Ивану вновь пришлось освежить институтские знания. В обшарпанной Костиковой кухне вновь зазвучала благородная латынь.

Мужик, как мы и предполагали, оказался мальчишкиным папашей. Почему черт решил притащить его к нам, вместо того чтобы отправить отпрыска в родное гнездо, мы так и не поняли. Однако разгневанного родителя Ивану удалось кое-как успокоить — во всяком случае, экзекуцию мужик прекратил, пообещав разобратьcя с сыном дома.

Увлекательную беседу, о смысле которой мы частично догадывались по жестам и интонациям, а частично — из кратких пояснений самого Ивана, прервал черт.

— Все это весьма трогательно и даже, я б сказал, благородно, — заявил он, демонстративно позевывая. — Но я бы хотел получить плату и удалиться — дела, знаете ли...

Мы с Костиком притихли. Цену никто вслух не называл, но мы догадывались, чего может захотеть нечистый в обмен на свои услуги.

— Ах да, плата. — Иван выразительно глянул на нас. — Сию минуту.

Он плюхнулся на колени, махнул нам рукой, чтобы присоединялись, и проговорил внушительно: "Отче наш, Иже еси на Небеси..."

Мы с Костей тут же бухнулись рядом и подхватили молитву, стараясь не смотреть на черта: он сидел, выпучив глаза, и пытался что-то сказать, но какая-то сила мешала ему выдавить из себя хотя бы один звук. На словах "...но избави нас от лукавого" раздался треск, полыхнула фиолетовая вспышка, кухня наполнилась дымом, а когда он рассеялся, на столе уже никого не было. Мы хором радостно закончили молитву, радостно завопили: "Аминь!" — и кинулись к столу.

На голубом пластике отпечатались формы, достойные скорее Мерилин Монро, чем худощавого... молчу, молчу! — а поперек красовалась надпись готическим шрифтом: "Шутка!"

...Всю ночь мы с братьями, соседом и колдуном (пацана отправили спать) пили водку и облегченно матерились. А того, кого поминать не стоит, — и не поминали.

Игра с читателями

Вот и закончилась наша игра. Поставлена последняя точка в рассказе "Чем черт не шутит". Мы благодарим всех читателей, принявших участие в нашем конкурсе, особенно самых активных "продолжателей" — *Нину Дьяченко и Андрея Мазанина из Киева, Алину Лось из Феодосии, Германа Сухопарова из п.о Гавриловка Купянского района Харьковской области*. И, конечно, поздравляем **Вячеслава МАВРИЧЕВА из Харькова**, который и стал победителем конкурса "Пишем вместе"! Ему будет выслан приз: первые четыре тома "Антологии мировой фантастики" и "Как писать книги" Стивена Кинга.

ВНИМАНИЕ: КОНКУРС!

Редакция "Просто фантастики" объявляет новый конкурс — на лучшую эпиграмму, посвященную писателю-фантасту, фантастическим книге и фильму и т.п. Участие в конкурсе анонимное. В конце года мы подведем итоги, объявим победителей и вручим призы.

Святославу ЛОГИНОВУ

Как жизнь продлить
в загробном мире?
Известен мало я, увы...
Идея! Чтобы не забыли,
Не отдаю, что брал взаймы!

Генри Лайону ОЛДИ

Сэра Олди, живущего
в Харькове,
Алкашом спозаранку
обгавкали.
Он решил быть мужчиной,
Разобраться с причиной —
Сбрить щетину.
А в зеркале харь-то — две!

Александру ЗОРИЧУ

Правду рубану сплеча:
Полюбил я Зорича!
Но не сбыться счастью —
Мешает Зорич частью...

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ БОТИНКИ в Швеции...

В горах северной Швеции сделана в высшей степени загадочная находка — 70 пар обуви, наполненных сливочным маслом. Ботинки разных размеров аккуратно стояли на лужайке...

О находке рассказали все средства массовой информации Швеции, и теперь жители ломают голову: что это значит?

По одной из версий, это произведение искусства анонимного художника. Композиция, как утверждают очевидцы, придает особый колорит здешнему горному пейзажу.

Другая версия связана со шведскими обычаями. Те, кто отправляется в долгое странствие, должны оставить свою обувь, чтобы дорога была счастливой. Правда, маслом ее при этом никогда не начиняли.

...и в Сербии

Престарелый житель Сербии собирается завещать местному музею ценную реликвию — собственные ботинки, которые прослужили ему целых шестьдесят лет.

81-летний Джазаф Сиджарис из города Нови Пазар купил свои "старые добрые туфли", как сам их называет, шесть десятилетий назад на юго-западе Боснии. "Только бог знает, сколько километров я прошагал в этих ботинках за шестьдесят лет", — говорит пенсионер.

По словам Джазафа, труднее всего чудо-обуви пришлось во время Второй мировой войны. Тогда хозяин спрятал свои любимые ботинки в специально выкопанную яму и засыпал землей, чтобы они не достались немцам.

Неунылая пора

Вот и промчалась осень — для сотрудников и авторов "Просто фантастики" время знаменательное, поскольку именно осенью год назад впервые увидела свет наша газета. Но не только "Просто фантастика" отметила день рождения. Огромное количество людей родились в зеленые, золотые, серые, багряные и голубые осенние деньки.

В сентябре отмечались юбилеи умерших в 1987 году советских фантастов Дмитрия Биленкина — 21-го ему бы исполнилось семьдесят лет, и Сергея Жемайтиса, зав. редакцией научной фантастики в издательстве "Молодая гвардия" в 60-е годы, — 23 сентября ему было бы девяносто пять.

В "День знаний" — 1 сентября — родились авторы многотомных эпопей Эдгар Райз Берроуз (1875–1950), классик американской фантастики, и Кэролайн Черри (г.р.1942). 2-го появился на свет классик советский — Александр Казанцев (1906–2002).

Продолжая говорить о классиках, назовем еще трех сентябрьских именинников: 12-го родился Станислав Лем (1921 г.), 19-го — Уильям Голдинг (1911–1993), а 21-го — основоположник современной НФ Герберт Уэллс (1862–1946).

Кроме того, в сентябре родились Кирилл Еськов (16.09.1956), Владимир Войнович (26.091932), Виктор Колупаев (19.09.1936–2001) — премию его имени вручают на томской "Урании" с формулировкой "За продолжение гуманистических традиций советской фантастики", и Антон Молчанов, он же Ант Скаландис (28.09.1960).

Октябрь прямо начинается с праздника, а в этом году — так даже с юбилея! Первого числа свое 25-летие отметил киевский писатель Владимир Аренев (он же Пузий), известный читателям нашей газеты своими рассказами и рецензиями. 3 октября исполнилось 35 лет Олегу Скляренко, которого поклонники знают как Олега Дивова. Юбилярами являются также минский писатель Николай Чадович (родился 29.10 — даже странно, что у них с постоянным соавтором Юрием Брайдером разные дни рождения!) и автор бесконечной эпопеи "Колесо времени" Роберт Джордан (настоящее имя — Джеймс Оливер Ригни-мл., родился 17.10) — им исполнилось по 55 лет, Владимир Обручев (10.10.1863–1956) и Елена Хаецкая (13.10.1963).

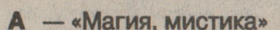
Второй месяц осени подарил миру таких известнейших писателей, как Кир Булычев (18.10.1934–2003), Фрэнк Герберт (8.10.1920–1986), Эдвард Гамильтон (21.10.1904–1977), Урсула Ле Гуин (21.10.1929), Святослав Логинов (9.10.1951), Генрих Альтов (14.10.1926–1988). 2 октября родился Вернон Виндж (1944), 12-го — Юрий Щербак (1934), 14-го — Владислав Крапивин (1938), 18-го — Майкл Суэнвик (1950), 20-го — Еремей Парнов (1935) и Андрей Столяров (1950).

В ноябре именинников поменьше, зато среди них такие громкие имена, как Роберт Льюис Стивенсон (13.11.1850–1894), Марк Твен (30.11.1835–1910), Курт Воннегут (11.11.1922), Пол Андерсон (25.11.1926–2001), Василий Звягинцев (21.11.1944), Лоис Макмастер Буджолд (2.11.1949). 18 ноября родились Джеймс Баллард (1930) и Алан Дин Фостер (1946). А 27 ноября праздновал свой настоящий, а не "паспортный" день рождения Олесь Павлович Бердник (1926–2003).

На удивление "урожайна" осень на сказочников: в октябре родились автор "Аленького цветочка" Сергей Аксаков, Лия Гераскина ("Страна невыученных уроков"), Отфрид Пройслер ("Маленькая Баба-Яга", "Маленькое Привидение", "Маленький Водяной"), Евгений Шварц (пьесы "Тень", "Дракон", "Обыкновенное чудо", "Сказка о потерянном времени", "Снежная Королева", "Золушка"), Джанни Родари ("Приключения Чиполлино", "Джельсомино в Стране лжецов" и др.), Георгий Почепцов ("Город королей", "Город фей", "В поисках волшебного меча" и др.). Видимо, чем-то таким дышит это время года, пробуждая в людях стремление к неведомому и чудесному...

Скромно, в хвосте, присоединюсь к параду знаменитостей и я.

Ольга ОПАНАСЕНКО
(родилась 8 октября)

Z ИНТЕРЕСНАЯ ГАЗЕТА
ПРОСТО ФАНТАСТИКА

Видається з 1993 року
Реєстраційний номер
КВ № 6960 від 11 лютого 2003 р.

№1(124), 2004 р.

ЗАСНОВНИКИ, ШЕФ-РЕДАКТОРИ:
Анатолій КАЦАЙ,
Олександр КОРОЛЬОВ

ЗАСТУПНИКИ ГОЛОВНОГО РЕДАКТОРА:
Олексій СОКУР,
Надія ЮРЧЕНКО

РЕДАКЦІЙНО-ВИДАВНИЧА РАДА:
Сергій МОГИЛЬНИЙ, директор
Ольга ОПАНАСЕНКО, член ради
Степан ІВАНУС, відповідальний секретар
Віталій БОБЕР, заступник директора по збуту
Ірина БОРЗОВА, головний бухгалтер
Олександр ШЛАПАЧЕНКО, начальник відділу збуту та розповсюдження

ВИДАВЕЦЬ:
Редакційно-видавнича фірма

Адреса редакції:
03047, Київ-47,
просп. Перемоги, 50, к.463, «Z»
Тел.: (044) 454-82-59, 454-88-02
Факс: (044) 456-91-26
E-mail: postmail@avkpress.kiev.ua

ВІДДІЛ РОЗПОВСЮДЖЕННЯ
(044) 454-82-57

РЕКЛАМНИЙ ВІДДІЛ
(044) 454-83-69

Комп'ютерний дизайн та верстка
Олексій СОКУР
Коректор
Наргіс БАГДАСАР'ЯН

● Друкується мовою оригіналу
● За зміст і достовірність публікацій відповідальність несе автор (рекламодавець)
● Листування з читачами — тільки на сторінках газети
● Рукописи не рецензуються і не повертаються
● При передруку посилання на "ИГ" обов'язкове

Віддруковано на комбінаті друку видавництва «Преса України». 03047, Київ-47, пр.Перемоги,50
Загальний наклад "ИГ" 550542
Зам. № 3213229 від 27.11.2003 р.

